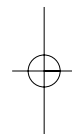
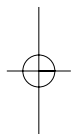
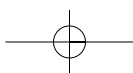

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2008

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

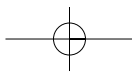
Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Корпорации Карнеги (Нью-Йорк) и Института «Открытое общество».*

Содержание

№ 1 (44) 2008

<i>К читателю</i>	5
Семинар	
<i>О политическом возрождении религии в начале XXI века</i>	
<i>Кристофер Коукер</i>	7
<i>Дискуссия</i>	17
Тема номера	
<i>О «национальных образах прошлого»</i>	
<i>Обращение Международного общества "Мемориал"</i>	26
Итоги президентства В.В. Путина	
<i>Миф о новой холодной войне</i>	
<i>Стивен Коткин</i>	33
Концепция	
<i>Проблема коррупции и местное сообщество</i>	
<i>Вадим Бондарь</i>	47
Дискуссия	
<i>«Национальный лидер» как симптом</i>	
<i>Андрей Захаров</i>	56
<i>«Я не согласен...»</i>	
<i>Леонид Смирнягин</i>	61
<i>Некоторые размышления о «национальном лидере»</i>	
<i>Ирина Бусыгина</i>	64
<i>Патриотизм, идентичность и политика</i>	
<i>Глеб Торин</i>	68
Точка зрения	
<i>Эксперт при полувосторитаризме</i>	
<i>Алексей Макашкин</i>	74

*Религия и ценности:
о взаимосвязи религии и политики*
Кlaus Mertes 80

Российские реформы и общественная солидарность
Александр Согомонов 85

Жизнь в профессии

О государственной службе, политике и бизнесе: взгляд из Америки
Тоби Гати 90

Идеи и понятия

Институты
Ирина Бусыгина 98
Андрей Захаров

Наш анонс

Новый общественно-политический словарь
Предисловие
Пьер Мюллер 105

Книги

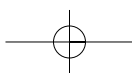
Советское детство по-английски
Андрей Захаров 108

Контрапункт
Александр Архангельский 110

Nota bene

Федерация и Россия
Георгий Федотов 114

*В оформлении номера использованы работы художников
из Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Ирана, Китая, Польши, США, Таиланда.*

К читателю

Думая о свободе, мы склонны считать, что люди свободны тогда, когда у них есть свобода *выбора*. И делаем вывод: чем больше возможностей выбора, тем в стране больше свободы. Но так ли это на самом деле? Когда под свободой мы понимаем только само наличие выбора, не задумываясь над тем, что выбор — это одновременно и явная непредсказуемость того, что человек может выбрать и посвятить этому свою жизнь (например, террорист).

Следовательно, эмпирическое определение свободы содержит в себе очевидное противоречие, преодолеть которое можно, лишь осознавая его двойственность. А именно, что, с одной стороны, оно открывает дорогу к утверждению неограниченной абсолютной власти, а с другой стороны, в виде реакции на нее в условиях демократии неизбежно порождает в обществе ситуацию нестабильности. Поэтому обратимся к другому, философскому определению свободы, предполагающему наличие не выбора, а внутренней дисциплины, или дисциплины ума: «Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя» (М. Мамардашвили).

Фактически именно в сторону такого определения свободы все более склонялись европейские мыслители в эпоху Просвещения, размышляя о свободе, гражданском обществе и правах человека. Причем все это было реакцией на сложившуюся абсолютистскую форму правления, при которой верховная власть принадлежала одному лицу (монархия, самодержавие). А завершилось, как известно, принятием в августе 1789 года знаменитой Декларации прав человека и гражданина — политического манифеста Французской революции,

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

6 | К читателю

провозгласившего неотъемлемыми правами человека свободу личности, слова, совести, равенство граждан перед законом, неприкосновенность частной собственности.

Стоит подчеркнуть, что эта Декларация подвела своего рода итог предшествующему политическому развитию европейского общества, так как до этого борьба шла лишь об *ограничении* абсолютной власти. Об этом свидетельствуют, в частности, не только Билль о правах в Великобритании (1689), который ограничил власть короля, гарантировав права и свободы парламента, но и другие документы правового и политического характера (хартии коммун и городов, жалованные грамоты, уставы и т.д.).

В основе философии свободы, воодушевлявшей европейских просветителей XVIII века, лежала идея прав человека. Каким же образом она интерпретировалась?

О правах, писали они, можно и нужно говорить, поскольку люди мыслятся во взаимном отношении друг к другу. Право — ничто вне таких отношений. И задавали вопрос: как могут сосуществовать свободные существа — ведь в этом состоит смысл всякого права? И отвечали: совместное существование людей возможно при условии, если каждый ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить свободу других. Свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю условием собственной свободы.

Реальность этих высказываний становится очевидной, когда появляется общность свободных людей. И она исчезает, как только такая общность оказывается невозможной.

«Я могу представить себе, — писал Кант в трактате “К вечному миру”, — **морального политика**, то есть такого, который устанавливает принципы государственной мудрости, совмещающей с моралью, но не **политического моралиста**, который приспособливает мораль к потребностям государственного деятеля». И в другом месте: свобода растет вместе со степенью моральности в общественных делах.

Свобода и право — два основных понятия, с которыми напрямую связаны история европейского либерализма и становление гражданского общества.

О смысле и содержании этих понятий следует думать, когда мы продолжаем сегодня начатый поиск достижения устойчивого баланса между государством и обществом.

*О политическом возрождении религии в начале XXI века**

Я буду говорить о том, как религия вернулась на авансцену политической жизни. Таков один из многих сюрпризов, которые преподносит нам история. Для людей, которые, подобно мне, были воспитаны в духе европейского просвещения, это особенно удивительно, поскольку мы полагали, что религия должна быть отделена от политики, что это сугубо частное дело. Но я думаю, что это не менее удивительно и для вас, кто помнит Советский Союз, провозглашавший всякую религию суеверием и придерживавшийся догматов исторического материализма, в соответствии с которыми объективному движению истории, материальной реальности нашей жизни чуждо все трансцендентное. В общем, это не может не быть удивительным для тех, кто научился по-иному смотреть на религию (например, в свидетельстве о моем крещении записано, что я принадлежу к лону англиканской церкви, однако англиканская церковь тоже претерпела значительные изменения и сегодня это скорее сообщество верующих, чья цель не столько прославлять величие Бога, сколько сеять милосердие и сострадание, в том числе и среди неверующих). Повторяю, это большой сюрприз для западных либералов, с их непоколебимой верой в универсальность либеральных ценностей и уверенностью в том, что единственная модель развития современного общества связана с его дальнейшей секуляризацией. И тем не менее мы видим, что некоторые общества приходят к обновлению через религию. Например, в Турции споры о роли ислама в жизни общества не стихают уже более семидесяти лет, то есть с тех самых пор как эта страна встала на путь развития светской республики.

Таким образом, очевидно, что возрождение религии в сегодняшнем мире существенным образом повлияло на ряд наших основных предпосылок и представлений о социально-политической картине современности. И, если позволите прибегнуть к иг-

*Кристофер Коукер,
профессор,
Лондонская школа
экономики*

* *Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 23 июля 2007 г.*

ре слов, наши фундаментальные предпосылки и представления следует называть *фундаменталистскими*, а значит актуальными лишь для определенной эпохи и географического пространства. И в этой связи я хочу обратить ваше внимание на смысл этих слов в международном контексте, упомянув о важном событии 1948 года, а именно о принятии ООН Всеобщей декларации прав человека.

Названный документ, который уже более полувека служит краеугольным камнем современного миропорядка и является одним из основополагающих текстов светского общества, провозглашает примат прав человека, причем не только в контексте абсолютно-го права на жизнь (осознание которого для меня, западного человека, сопряжено с историей холокоста и Второй мировой войны), но и «права на счастье», то есть права на самореализацию. При этом напомним, что в 1948 году от голосования по принятию Всеобщей декларации воздержались семь стран. Одной была Южная Африка, страна, вставшая на путь апартеида и отказавшаяся принять статью о расовом равенстве (это была проблема, присущая конкретной стране в конкретную эпоху и исчезнувшая вместе с режимом апартеида в 1994 году). Но Всеобщую декларацию отказались подписать также Советский Союз и несколько восточноевропейских стран, которые считали, что слишком большое внимание в тексте уделяется политическим свободам — в ущерб социально-экономическим правам. И, наконец, еще одной страной, воздержавшейся от подписания декларации (хотя в то время на это обстоятельство вряд ли обратили внимание), была Саудовская Аравия. Саудовская Аравия возражала против статьи 18 декларации, провозглашавшей свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию.

Возражения саудовского правительства основывались на утверждении о невозможности отказа от исламской веры или перехода в другую религию. На позицию Саудовской Аравии не обратили особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, речь шла о вопросе религиозной веры — в условиях, когда две ведущие мировые идеологии того времени, либерализм и марксизм, имели явно светскую природу. Во-вторых, Саудовская Аравия не была европейской страной, в то время как две сверхдержавы, США и СССР, объединяло общее европейское наследие. В-третьих, Саудовская Аравия считалась своего рода политической аномалией, то есть не национальным государством в полном смысле слова, а значит, ее позиция не могла иметь большого значения.

Мысленно обращаясь к дебатам 1948 года, нельзя не задуматься о том, что возражения Саудовской Аравии были глубоко символическими — ведь для многих людей религиозные чувства неотделимы от личностного развития и составляют необходимую часть самореализации. Но каковы бы ни были тогда мотивы саудовского правительства, сегодня можно с уверенностью утверждать, что религия вернулась и теперь образует остов развития многих обществ, в том числе с точки зрения прав человека. Это факт, с которым западному миру придется считаться в обозримые годы. Мне кажется, что возвращение религии на мировую политическую арену станет одной из определяющих идеологических тем первой половины XXI века, и мы можем отчасти понять этот феномен, рассмотрев упадок двух «политических религий» XX столетия — политический крах коммунизма и растущий пессимизм в отношении западного либерализма.

Европейское просвещение, конечно же, не покончило с религией. Оно преобразовало религию... в политическую

религию. Возьмем, к примеру, коммунизм, учение, у которого были свои пророки — тот же Карл Маркс, своя Библия — «Капитал», собственный пантеон мучеников, которые исчисляются миллионами. Понятие божества не исчезло, но трансформировалось в «волю народа» или, как выражаются иногда интеллектуалы, в Историю с заглавной буквы. Дело в том, что наш социальный мир — это мир идей, ценностей и верований в той же мере, в какой он — вещный мир власти, торговли и оружия. И то же самое относится к либерализму. В первом, опубликованном в 1948 году (в год принятия Всеобщей декларации прав человека) романе «Нагие и мертвые» американского писателя Нормана Мейлера дано характерное определение либерализма. Один из персонажей романа говорит, что Соединенные Штаты олицетворяют собой, во-первых, безграничные ресурсы (то есть человеческий капитал) и, во-вторых, идею, позволившую мобилизовать общество на некие свершения. Действительно, либерализм был самой яркой идеей, наиболее стимулирующим идеалом XX века. Но либерализму как идее была необходима питающая среда, и для США в XX веке такой средой стала война, позволившая объединить силы мира в борьбе за демократию, сформировать американскую внешнюю политику и развить идеологию, сделавшую XX век в сущности американским веком. В то время как сегодня проблема либерализма состоит в том, что для многих людей единственной исторической средой стал рынок с его господствующей и внутренне пустой идеологией потребительства, формирование которой относится к эпохе холодной войны. Напомню, что когда Никита Хру-

шев, первым из советских руководителей, приехал в США в 1959 году, он произнес страстную речь, которая в то время была неверно истолкована из-за единственной фразы (довольно злове-

Мне кажется, что возвращение религии на мировую политическую арену станет одной из определяющих идеологических тем первой половины XXI века

щей, если вырвать ее из контекста). Хрушев сказал американцам: «Мы вас похороним». Оказалось, однако, что он стремился похоронить американцев не под советскими ракетами, а под советскими потребительскими товарами. (Известно, что перед визитом в США экономические советники Хрущева уверяли его, что к 1970 году ВВП СССР сравняется с американским, а к 1980 году превысит ВВП США в два раза.) То есть фактически уже тогда акценты в холодной войне смещались в сторону философии потребительства, рынка как исторической среды. «Мы не будем с вами сражаться, но завоюем вас экономически». Такие мнения в начале семидесятых не были случайными. Уличные протесты в Восточной Европе в конце восьмидесятых годов, повлекшие за собой падение Берлинской стены, можно рассматривать и как «потребительские бунты». Один историк назвал их первыми «потребительскими бунтами» в истории. То есть люди в Восточной Европе, день за днем смотревшие западные телепередачи, стремились к жизни, которую не мог обеспечить коммунистический порядок.

Рынок, повторюсь, стал средой истории, и в этот вагон успели вскочить даже религии. Так, например, в Бразилии действует Всемирная церковь царства Божьего. Эта церковь использует в качестве основного инструмента

Шадафарин Гхадириан. Без названия. 1998

проповедей собственные веб-сайты, спонсирует телепередачи и мыльные оперы на собственных телеканалах, поддерживает рок-группы и обещает скорое вознаграждение за обращение к Христу. Таковую религию не назовешь иначе как инвестицией: это Иисус не спасающий, а платящий дивиденды за обращение в христианскую веру.

Либерализму сегодня бросают вызов две силы. Одна — это религии, возрождающиеся в незападном мире, адепты которых считают либерализм философией, лишенной смысла. Вторая — это некоторые течения в движении антиглобалистов, представители которого также с почти религиозной лихорадочностью отстаивают свои убеждения.

Религия, как мне представляется, не имела бы такого значения, если бы не следующее обстоятельство: в современном мире люди, обладающие религиозными убеждениями, воспроизводят свои общества, а люди, лишенные религиозных убеждений, ведут общество к демографическому упадку. Или, другими словами, высокий уровень религиозного самосознания ведет к повышению рождаемости, и наоборот, материализм вызывает ее падение. Сошлюсь в этой связи на ситуацию с мормонами в США, сохранившими на протяжении XX века устойчиво высокий уровень рождаемости. Численность мормонской общины в штате Юта выросла за это время почти на 40 процентов, несмотря на значительный приток иммигрантов, не принадлежащих к мормонам. Если же мы посмотрим на демографическую ситуацию в Европейском союзе, то здесь немногие европейцы, сохраняющие высокий уровень рождаемости, это в основном мусульмане во втором и третьем поколениях. И об этом же свидетельствуют выкладки по России: наиболее высокий уровень рождаемости по стране наблюдается в регионах, преимущест-

венно населенных мусульманами. Насколько мне известно, последние статистические прогнозы показывают, что к середине XXII века мусульмане могут составить 50 процентов населения России. Разумеется, прогнозам не надо верить слепо. Но из социологии тоже можно извлечь урок. Так, по оценкам демографической ситуации в Северной Америке, Западной Европе и России уровень рождаемости среди вероисповедного населения на 20 процентов превышает уровень рождаемости среди нерелигиозных граждан. При этом непропорционально большое число среди вероисповедного населения в возрасте от 18 до 45 лет составляют женщины. Такова социальная реальность начала XXI века.

Следовательно, мы наблюдаем тесную симбиотическую связь между религией и демографией. Назовем ли мы это обстоятельство вызовом? Угрозой? Риском? Или благоприятной возможностью? Может быть, возрождение религии — не проблема, а решение проблемы? Конечно, здесь многое зависит от точки зрения. Но для либералов моего поколения, вступивших в пору политической зрелости в 60-х годах и разделявших такие взгляды, как право на планирование семьи, право на аборт, независимое положение женщин в обществе, это, безусловно, вызов. Так как большинство из нас считает политическое возрождение религии консервативной реакцией на либеральные тенденции середины XX века.

Приведу пример двух наиболее значительных проявлений социального протеста в Соединенных Штатах времен Клинтона, когда на улицы Вашингтона вышло более миллиона человек. Первая демонстрация была организована «Нацией ислама», исламской религиозной организацией, состоящей преимущественно из чернокожих американцев, а вторая — «Хранителями обетований», христи-

анской сектой, большую часть которой составляют белые. «Хранители обетований» запретили женщинам участвовать в демонстрации. «Нация ислама» разделила женщин и мужчин на две колонны. Примечательны лозунги, с которыми выступали демонстранты. И первая, и вторая организации ратовали за более консервативную социальную политику, запрет аборт, возвращение к «семейному укладу». Подобные лозунги не слишком отличаются от социальной программы Джорджа Буша, хотя среди членов «Нации ислама», я уверен, немало его сторонников.

Политическое возрождение религии — это вызов либерализму еще и потому, что современные либералы отвыкли от мысли, что существуют идеи, за которые должно сражаться и умирать. Иногда шутят, что либерал неспособен принять сторону в споре — он всегда стремится встать на противоположную точку зрения. Поэтому сегодня либералу сложно противостоять «категоричности веры». Напротив, либералы начала XX века обладали категоричностью веры, то есть твердыми убеждениями, за которые они готовы были бороться. Пожалуй, слово, к которому я сейчас подхожу, — это фундаментализм. Это сложное слово, как в английском, так и в любом другом языке, так как оно порождает множество неверных толкований. Ведь фундаментализм присущ не только исламу: существуют христиане-фундаменталисты, играющие, в частности, видную роль в республиканской партии США. Фундаменталисты играют видную роль в политике Израиля или Индии. Естественным образом фундаментализм присутствует в любой монотеистической религии. Но он присущ и немонотеистическим религиям, как, впрочем, и любой философской доктрине или идеологии. Но коль скоро я упомянул ислам, позвольте мне

предложить несколько определений. На Западе принято различать четыре течения в исламской религиозной мысли, которые, так или иначе, повлияют на пути развития мира в ближайшие двадцать или тридцать лет.

Первое течение, наиболее милое сердцу западных либералов, это так называемый *реформированный* ислам, согласно которому первостепенное значение имеют не действия пророка, а идеи, которые вдохновляют действия. Это не вполне «чтение между строк» Корана, так как мусульмане верят, что Коран — воплощенное слово Бога, однако подобное толкование требует проведения текстового анализа, и именно за это выступают сторонники реформированного ислама. Затем следует большинство мусульман, которых в современную историческую эпоху принято называть *традиционалистами*. Иными словами, это люди, чтущие традиции ислама. Сторонники традиционализма выступают за сохранение той версии ислама, которая исторически сложилась в той или иной стране, регионе, на той или иной территории, а также противодействуют каким-либо переменам как в религиозной сфере, так и в общественной жизни. Традиционализм, кстати сказать, обнаруживается везде — например, в той же католической церкви, в возвращении латинской мессы, в католицизме Бенедикта XVI. С точки зрения толкования христианских догматов последних двух пап вполне можно назвать традиционалистами.

Фундаментализм, третье течение в исламе, восходит к ваххабизму, религиозно-политическому течению в Аравии XVIII века. Ваххабизм содержит критику исторической эволюции ислама и отвергает правомерность развития законов шариата за последние семьсот лет. В недавние годы так называемые успехи ваххабитов в Саудовской Аравии проявились, в частности,

в уничтожении более трехсот исторических памятников в Мекке и Медине. Историю ваххабиты воспринимают как оскорбление, ведь история всякой религии подразумевает необходимость компромиссов и обновления. И, наконец, четвертое течение в исламе, так называемый *исламизм*, можно назвать, наряду с коммунизмом и либерализмом, одной из господствующих идеологий XX века. Исламизм, возникший в странах Ближнего Востока в двадцатые годы прошлого столетия как реакция на европейский колониализм, также обладает собственными пророками, мартирологом, священными текстами и социально-экономической программой. Неугасимым факелом исламистов можно считать революцию 1979 года в Иране, подобно тому как русская революция 1917 года осветила путь коммунистам всего мира. Мы одержимы мыслями об исламизме и его террористических проявлениях. Но, быть может, нам следует больше задумываться о фундаментализме и традиционализме, так как в ближайшие 20–30 лет мир, как мне кажется, станет свидетелем сплочения консервативных, в том числе самых различных религиозных, сил вокруг реакционных, на взгляд либералов, доктрин. Примером может служить удивительное единодушие, с которым представители Ирана, Ватикана и нескольких африканских государств выступают на конференциях ООН по вопросам прав женщин или планирования семьи. Или в моей собственной стране, где исламские и евангелические общины объединились по вопросу ужесточения законов против кощунства в отношении религии. Или раскол в англиканской церкви относительно миропознания священнослужителей женщин и гомосексуализма. Существует

даже мнение, что подобные общественные течения могут еще больше сблизить США и Западную Европу с точки зрения консервативности их социальной политики. Не будем забы-

*Несмотря на европейскую интеграцию,
в Европе по-прежнему превалирует
идентичность национальных государств*

вать и о возрастающей роли русской православной церкви в России, участвующей в обновлении общества и стремящейся утвердить систему ценностей русского народа в XXI веке. Однако я не эксперт по России, и моя цель сегодня — донести до вас мое видение мира, в котором нам предстоит жить в ближайшие годы.

В заключение своего выступления мне бы хотелось сделать пять выводов из сказанного. Во-первых, нам следует по-новому осмыслить географические границы религий. Исламский мир гораздо шире, чем его арабское ядро, чем его исторический центр тяжести. Мы должны привыкнуть к мысли, что три крупнейших мусульманских государства расположены в Азии, что одно из них, Турция, стремится вступить в ЕС, и если это произойдет, то по численности мусульманского населения Европа выйдет на одно из первых мест в мире. Христианство перестает быть преимущественно европейской религией, отчасти из-за распространения в мире пятидесятничества и позднепротестантских церквей. Возвращение к латинской мессе можно рассматривать как реакцию католической церкви на подобные тенденции. Ежедневно в Латинской Америке около 7000 человек отказываются от католицизма в пользу одной из протестантских церквей. Одна пятая вероисповедного населения Латинской Америки принадлежит сегодня к протестант-

ским церквям. Согласно статистическим прогнозам, Латинская Америка может перестать быть католическим континентом к 2050 году. Не надо забывать и о том, что крупнейшая община пятидесятников — 280 миллионов человек — проживает в Китае. Впору задаться интересными вопросами. Станет ли Азиатско-Тихоокеанский регион, учитывая беспрецедентный рост христианства в Азии, христианским регионом к концу XXI века? Может ли христианство утратить статус «религии Запада» в части католической и протестантской конфессий? Бенедикт XVI, вероятнее всего, — последний римский папа из Европы. И к чему это может привести? Если большинство христиан мира будут проживать в бедных странах, в авторитарных обществах, не вернется ли христианство к эпохе, когда (прежде чем стать религией Римской империи) оно было религией социального протеста? Это, на мой взгляд, окажет существенное влияние на формы социального протеста в XXI веке.

Мой второй вывод состоит в том, что религия развивается. Таково одно из последствий глобализации, особенно ярко проявляющееся в обществах, куда стекается большое число иммигрантов, то есть в Канаде, США и Западной Европе. В 2003 году, согласно данным ЮНЕСКО, число иммигрантов в Японию составило 3 человека. Такая иммиграция вряд ли изменит социальный портрет страны. А что если в ближайшие полвека в страну приедут 130 миллионов иммигрантов (а именно таковы прогнозы относительно Западной Европы)? Тогда религиозный фактор может приобрести решающее значение. Или, как может измениться социальный портрет общества в США, если туда переедут, например, 100 миллионов иммигрантов — испаноязычных католиков. Серьезная проблема Европейского союза — это вопрос

идентичности. Как будут определять себя новые европейские иммигранты? Несмотря на европейскую интеграцию, в Европе по-прежнему превалирует идентичность национальных государств. Большинство европейцев по-прежнему определяют себя в категориях национального государства, в котором они родились или куда эмигрировали. Скажем, 81 процент мусульман в Великобритании называют себя, во-первых, мусульманами и, лишь во-вторых, британцами. Следует ли этому удивляться? В конце концов, существует умма, всемирное мусульманское братство. Тем не менее большинство граждан Турции, Египта или Иордании определяют себя, во-первых, в контексте национальной принадлежности и лишь потом в контексте религии. Наверное, так происходит потому, что ислам в этих странах — непрерываемая религия большинства, а национализм — относительно недавнее течение, возникшее при формировании молодых, по сравнению с Западной Европой, национальных государств. В таком положении дел есть отрицательная и положительная стороны. Отрицательная сторона — терроризм. Положительная сторона — возможность для молодых, часто неимущих, социально незащищенных мусульман — в Лондоне или Париже, Брэдфорде или Марселе — отождествлять себя с великим мусульманским миром. Что же говорить о молодых, социально незащищенных христианах, у которых нет возможности отождествить себя с неким большим миром за пределами страны их проживания? Вспомним парижские уличные бунты 2005 года. Поначалу речь шла о беспорядках, спровоцированных молодыми мусульманами из городских гетто. Однако после подавления беспорядков выяснилось, что мусульманами были лишь 39 процентов их участников. В основной своей массе бунтовщики были молодыми

Клаус Камперт. Половодье. 1987

безработными французами, жертвами, если угодно, капиталистической системы, принадлежащими к единственному сообществу — собственному национальному государству.

Мой третий вывод — религия может вновь стать фактором международной политики. Основными игроками на мировой политической арене будут государства с сильной религиозной составляющей: США, где политика насыщена языком религии, Россия, где возрастает роль православной церкви, девять крупнейших мусульманских государств и стоящий несколько особняком, с точки зрения

религии, Китай. В Китае, как известно, нет монотеистической религии или государственной церкви. И при этом Китай раздирают религиозные противоречия. Следует ли ожидать, что политические союзы будущего окажутся в той или иной степени основаны на религиозном родстве? Что-то подобное мы наблюдали в 1990-х годах, когда православные страны стремились поддержать Сербию во время войны на Балканах. Но не следует забывать и о том, что католические и протестантские страны Европы поддерживали в то же время мусульман в Боснии и Косово. Возможно,

надо говорить в этой связи не о столкновении цивилизаций, а о столкновениях внутри цивилизаций, в том числе на религиозной почве — вспомним вечный раскол между суннитами и шиитами. Я с сожалением вспоминаю, как несколько чинов Пентагона говорили мне, что война в Ираке якобы предотвратила «конфликт цивилизаций». Я считаю, что в международной политике сохранится фактор единой «исламской позиции» (в отличие от несуществующей «христианской позиции»): так, например, ситуация в Палестине воспринимается как оскорбительная всеми мусульманскими странами. Но религия обладает способностью и заживлять раны. В 2001 году ООН выступила с инициативой диалога цивилизаций, за которой стояли тогдашний иранский президент Мохаммад Хатами и чешский президент Вацлав Гавел. Люди, романтично настроенные, помнят, что среди основателей ООН были те (стоявшие и за созданием Всемирного совета церквей), кто настаивал на разработке «морально-этической основы» миропорядка. Но эта идея не нашла тогда воплощения из-за противоречий холодной войны.

Мой четвертый вывод относится к демографии. Возрастание роли религии в мире непосредственно связано с «распространением молодости», с ростом числа молодых людей. Великие державы прошлого столетия вышли из «прежнего мира». Это относится и к США, стране с самой старой из действующих конституций и самыми старыми политическими партиями. Учитывая демографическую картину мира, XXI век, возможно, станет веком молодых людей. Мы не знаем, хорошо это или плохо. Молодые люди порывисты и больше склонны к жертвам, социальному протесту и к войнам. Ряд трагических столкновений между индуистами и мусульманами в

Индии были спровоцированы молодыми людьми. То же относится к гражданской войне в Ираке или к возникновению движения Талибан. Согласно прогнозу ООН 1995 года, к 2050 году экономически продуктивными будут только две десятых населения планеты. Это удручающая перспектива, но решение проблемы, и это подводит меня к пятому и последнему выводу, может заключаться в том числе и в развитии некоего — организованного или подразумеваемого — религиозного сознания.

Главная причина, по которой я ежегодно приезжаю в Московскую школу политических исследований, кроется не в возможности прочесть лекцию (я делаю это каждую неделю перед своими студентами в Лондонской школе экономики), но в необходимости поделиться своими мыслями с представителями российского общества (ведь несмотря на политические различия и дипломатические скандалы в нашем опыте много общего). К лучшему или к худшему, но мы представляем собой, по сути, христианские общества, и, вне зависимости от веры в Бога, наши этические установки происходят из одного христианского источника, а наши этические дебаты основываются на христианских предпосылках, хотя мы живем в поликультурных обществах, где возрастает роль другой монотеистической религии — ислама. Религия перестала быть семейным делом или региональным явлением. Монотеистические религии приобрели подлинно всемирный характер.

В каком-то смысле наши общества можно назвать постматериалистическими, ведь в решении политических задач Северная Америка, Западная Европа и Россия оперируют идеями исключительной важности, многие из которых берут начало в религиозной вере, для которой характерно стремление к взаимопомощи.

Дискуссия

Лилия Храмова, председатель совета городской общественной организации «В будущее вместе», г. Новосибирск:

— Скажите, на чем основано ваше утверждение, что религия в России становится фактором политики?

Микаил Магомедов, ведущий эксперт Национального банка, Республика Дагестан:

— Согласны ли вы с утверждением, что фундаментализм как бы вшит в ткань ислама как религии и при попытке его модернизации или реформирования он просыпается и поэтому в принципе не реформируем?

Эдуард Шармазанов, депутат Национального собрания, Армения:

— Господин Коукер, недавно на парламентских выборах в Турции победила партия, которая по своей сути является исламистской. И премьер заявил, что целью правительства будет вхождение в Евросоюз. Многие эксперты утверждают, что Турция постепенно превращается из светского государства в исламское. В то же время, как вы сказали, в Западной Европе постепенно уменьшается роль христианской церкви. Не приведет ли это к столкновению цивилизаций, или возможен диалог цивилизаций?

Кристофер Коукер:

— В отношении роли православной церкви в России. Это скорее был вопрос к вам. На Западе говорят, что после распада Советского Союза православная церковь стала очень важной с точки зрения символов национального государства, с точки зрения, как у вас выражаются, проекта новой России. О том, насколько это важно, я бы и хотел от вас узнать. Это был вопрос, а не утверждение.

Скажем, в США гораздо больший элемент религиозности, чем в Западной Европе. Для американцев, особенно во время выборов, религиозные ценности чрезвычайно важны, причем как для республиканцев, так и для демократов. Именно Америке присуща, как я полагаю, гражданская религия, этот термин изобрел Хантингтон. Поэтому не случайно любой политический кризис в этой стране становится кризисом моральным.

Можно ли реформировать ислам? Видите ли, нельзя обращаться к Корану как к суду божьему. Я уже говорил о «реформируемом исламе» и к сказанному добавлю: лишь та религия становится современной, сторонники которой, постоянно обращаясь к священным текстам, интерпретируют их, стремятся понять их содержание в кон-

тексте современности. Скажем, иудаизм с этой точки зрения можно назвать в высшей степени современной религией, потому что каждое поколение евреев, встречаясь с новыми явлениями жизни, придает большое значение изучению Торы. Это можно назвать дарвиновским подходом к религии, которая выживает, постоянно адаптируясь, и в этом смысле остается столь же актуальной и современной, как прежде. Уберите историю из религии, и вы увидите окаменелость, нечто мертвое, то, что не может в течение долгого времени придавать смысл нашей жизни. За последние 900 лет христианство, как известно, не изменилось, если иметь в виду евангельские заветы. Но как мы сегодня понимаем, что значит быть хорошим христианином, как можно жить по-христиански? Конечно, это менялось по мере того, как менялся окружающий мир. Это и есть наша история.

Для меня лично фундаменталисты в исламском мире, которые не хотят считаться с историей, составляют проблему. С точки зрения реформы как ислама, так и реформы их собственного общества. Так бы я ответил на ваш вопрос. История ведь тоже важна.

Вопрос о Турции. Интересно то, что вы сказали. Я думаю, если бы Турция вступила завтра в Евросоюз, то мусульманское население в Европе увеличилось бы до 20 процентов. Однако вас, очевидно, интересует другое: что будет, если Турции не разрешат вступить? Если бы я заключал пари, я бы ставил на то, что Турция не скоро станет членом Евросоюза. Почему? На том основании, что она не европейская страна? — не думаю. Я думаю, из-за того, что европейцы сомневаются в возможностях ее адаптации к стандартам Евросоюза и продолжают искать критерии, которым она должна соответствовать. Но ведь у нее есть и другая альтернатива. Госпожа Тэтчер, когда была премьер-министром, говорила — нет альтернатив! В действительности, альтернатива есть всегда. И в данном случае, после выборов, мы видим, как происходит повторное утверждение исламского характера турецкого государства как инструмента внешней политики. То есть, куда бы мы ни посмотрели, ислам остается частью сложного уравнения. Является ли он для самой Турции решением проблемы, уже зависит от обстоятельств, учитывая ее быстрорастущую экономику, а также продолжающийся поиск определений, что такое европейскость и что значит быть неевропейцем. До тех пор, пока такое гордое национальное государство, как Турция, не скажет: хватит, нам надоело, мы забираем свое заявление о вступлении... И я думаю, что в ближайшие 5–10 лет Турция так и поступит. И только потом, когда мы посмотрим на эту выбранную альтернативу, нам будет понятно, насколько и почему был важен ислам для турецких политиков.

Лейла Арапханова, начальник отдела анализа, планирования и стратегических исследований Министерства по связям с общественностью и межнациональным отношениям, Республика Ингушетия:

— У меня короткий комментарий по поводу традиционности религии. Сложность заключается в том, что представители каждой религии пытаются доказать относительно истоков, насколько они традиционны или не традиционны. И я, как представитель мусульманского сообщества, могу сказать, что, воспитанная в духе исламских традиций, на себе почувствовала преимущество моей идентичности. Чаще всего я осознаю себя мусульманкой, а не ингушкой. Моя религия дает мне много прав, я защищена. Она не мешает мне заниматься ни образованием, ни наукой, ни культурой. Возможно, и существуют преимущества православной религии, но в данном случае я бы сказала, что ограничений в исламе нет. На мой взгляд, мусульманское население в мире растет в том числе и за счет того, что представители других религий переходят в ислам, принимают его.

Анастасия Гонтарева, корреспондент газеты «Университетская жизнь», Республика Кабардино-Балкария:

— Вы говорили, что идеи XX века — это старые идеи. И спрашивали о роли православия. Мне кажется, что оно тоже в том виде, в каком существует, несколько устарело, и отсюда у людей интерес к различным сектам, к другим религиям, идеям фундаментализма и т.д.

О либерализме. Да, вроде бы он победил в противостоянии с коммунизмом, но в действительности он тоже устаревает. И получается, что общество потребления распространяется везде. У нас это стало еще большей проблемой, потому что мы стали ориентироваться на Запад, принимать установки общества потребления, но не смогли адаптировать положительный опыт западной христианской истории. Я согласна, возможно, те идеи, о которых вы говорили, будут преобразовывать европейское общество. Возможно, в результате омоложения, о чем вы тоже сказали, цивилизационный облик Европы изменится, поскольку это реальная, объективная тенденция.

Бригита Дрэйжэ, консультант канцелярии Президента Латвии по вопросам интеграции общества:

— Я бы хотела сказать о священниках. У нас в городе, где я живу, работает комиссия, в которой есть священники всех конфессий. И они нам часто помогают. Они помогают именно тогда, когда городу что-то надо обсудить и сообщить об этом народу. Священники, и в первую очередь православный священник, отец Самуил, никогда не отказываются от участия в городской жизни.

Юрий Литвинов, председатель правления региональной общественной организации «Правозащитный, благотворительный и просветительский центр “Эгида”», Кировская область:

— Начну с вашей последней фразы о том, что нас объединяет. Нас объединяет, скорее всего, вера, которая присутствует в каждом из

нас. В разной степени и в разном качестве. В том числе и вера в те идеи, о которых вы говорили. Далее, религия и власть. Помогает ли власть религии? Скорее всего, власть поддерживает религию именно в тот момент, когда ей необходимо показать свою близость к народу. Потому что в последнее время, опять же по моему мнению, народ обращается к вере, к религии как к единственной защите, как к единственной опоре. И чаще всего — как к защите от той же самой власти. Чиновники, естественно, видят эту тенденцию и занимаются чистой воды популизмом. Если бы это было не так, то поход высокопоставленного чиновника в церковь не был бы новостным поводом, предметом обсуждения по телевидению.

Коротко о себе. Я крестился, когда мне было 33 года. Поход в церковь был для меня поиском защиты. Может быть, аккумулярованием всех способов защиты моей семьи в первую очередь. И способом поиска истины. Бригита говорила о священниках. Чем отличаются православные священники от католических? Я от священников православных ни разу не слышал проповедей. А я хотел бы их услышать. Ведь это как раз способ влияния религии на общество. И, отвечая на вопрос, будет ли повышаться влияние религии, скажу — да. Но мне хотелось бы, чтобы это происходило через нас. Через наши души, через наши сердца.

Елена Хазиева, директор специальных проектов ООО РО «БашТренд»:

— Господин Коукер, вы сказали, что в XX веке было провозглашено право человека не только на жизнь, но и на счастье. Что касается религии, то, на мой взгляд, у каждого человека возможна двойная связь с религией. Одна — интимная, которая может выражаться в поиске того же самого права на счастье. Когда с помощью выработанного в религии языка, образной системы и т. д. я ищу ответ на вопросы, где же мое счастье, в чем моя миссия, кто я? Но есть и вторая сторона, связанная с социальным контекстом, когда под религией мы понимаем обычно морально-этические нормы, принятые в культуре. Мы являемся их носителями, согласны с ними, мы их поддерживаем. То есть это те самые убеждения, ценности, которые каждый из нас, признавая своими, транслирует дальше.

Вы также говорили о том, что сейчас все более прогрессирует потребительская культура, внутри которой пустота. А это значит, что и пустота в убеждениях, в желании себя оценить и так далее. Тогда получается, что это два полюса. С одной стороны, потребительская культура, которая транслирует пустоту, а с другой стороны, религия, которая говорит, что есть любовь. А любовь это то, что позволяет творить и, следовательно, предполагает наличие убеждений, наличие воли, чтобы эту творческую составляющую реализовать.

О себе могу сказать, что мне очень сложно идентифицировать себя с какой-то религией, потому что я родилась в Узбекистане, жила в Башкирии и поверхностно знаю исламскую культуру. Но в то же время мои предки были католиками, и я чувствую трепет в католических

храмах, могу долго просидеть и даже поплакать непонятно от чего. Какое-то смещение всего... Но я продолжаю искать ответы на те вопросы, которые предлагает религия. Спасибо вам за выступление.

Татьяна Бочарова, директор Института региональной политики и законодательства при правительстве Белгородской области:

— На мой взгляд, в государстве будет не снижаться, а укрепляться влияние религии. В России — православия, в странах Востока — ислама. В отношении религии меня больше беспокоит не отсутствие толерантности, потому что истинно верующий человек никогда не делает другому человеку плохо. Библия, Коран, Бхагавадгита для меня об одном и том же. Если внимательно их почитать, то заповеди есть в любой из них. В той или иной интерпретации — это и есть общечеловеческие ценности. И, мне кажется, мы об этом говорим.

Константин Негурица, глава муниципального образования г. Пересвет, Московская область:

— Скажу коротко про Сергиево-Посадский район, поскольку известно, что город Сергиев Посад это столица православия. И если судить по тому, что происходит у нас, в Сергиевом Посаде, то я вижу, как растет православное сознание наших граждан, в том числе и среди молодежи. Во многом это связано, конечно, с тем, что у нас находятся духовная семинария и духовная академия. Но так заполняется идеологический вакуум, который возник после распада Советского Союза. Может быть, пока и не очень осознанно, но роль церкви и роль пастырей, которые эту церковь возглавляют, очевидна. Могу также сказать, что проповеди православные священники тоже чита-

ют. Эта традиция в православной церкви сохраняется. На мой взгляд, роль православной церкви в России будет возрастать.

Марина Гурьева, директор Хабаровского представительства издательской компании «Золотой Рог»:

— Я бы хотела дать комментарий о ситуации, которая сложилась на Дальнем Востоке. Как человек, который родился в Центральной России, я видела, что здесь религия никогда не теряла своего значения. Ее не было официально, но те же бабушки... празднование Пасхи, Рождества — все это в семьях сохранялось. Эта культурная традиция не умирала. И церкви, хотя и полуразрушенные, но стояли. А когда я приехала на Дальний Восток, то была поражена. Оказалось, что там этой культурной традиции православной нет. Пасху, Рождество на Дальнем Востоке никто фактически не празднует. Люди, которые приехали туда в советское время, не осознают это как праздник. Нет церквей. Точнее, церкви — это новостройки буквально последних лет пяти. И их очень мало по сравнению с Центральной Россией. И когда я спрашивала людей, а как же праздники, как же православие, они говорили, что нет у них веры. На меня это произвело шокирующее впечатление... Юра Литвинов сказал, что для него церковь — это некий способ защиты. А они привыкли пользоваться другими инструментами и не видят необходимости в церкви...

Александр Хрусталеv, помощник генерального директора ОАО «Леноблгаз», Ленинградская область, г. Сосновый Бор:

— Я родился в городе, который появился на месте русской православной святыни — мужского монастыря Серафима Саровского, где находится ядерный центр. И туда приезжали молодые люди, начиная с пятидесятых годов, строители коммунизма, они создавали передовую военную технику, зная при этом, на каком месте вырос город. И потребовалось только снятие запрета, чтобы этот город осознал себя святыней православия.

Мне кажется, интерес к религии, пробудившийся в нашей стране во время перестройки, имеет корни в 60–70-х годах, потому что чувство протеста против советской власти у людей выражалось в том числе и в этом. У студентов Москвы, Петербурга-Ленинграда, Свердловска и еще нескольких городов было даже особым шиком — прийти на крестный ход с комсомольским значком. А затем это чувство перешло, к сожалению, в моду. Но надо сказать, что государство тогда сделало достаточно много, чтобы люди вернулись к православию. Вспомните фильм «Покаяние». Потом эта великолепная, как сейчас сказали бы, пиар-акция — восстановление Храма Христа Спасителя, которая была объявлена как общероссийская акция. Чтобы люди внесли свой вклад в восстановление храма.

Я думаю, наши дети счастливее нас. У них нет опыта Советского Союза, когда религия хотя и была отделена от государства, но, мягко говоря, была запрещена. Они свободны в своем выборе — как им от-

носиться к религии. А у родителей есть возможность поддержать своих детей в их стремлении к вере или, наоборот, не поддерживать — это уже личное дело каждой семьи. Многие проблемы, которые существуют в нашей многоконфессиональной стране, в том числе и те, которые поднял господин Коукер, на мой взгляд, можно решать с помощью православной и любой другой религии, учитывая, что мы переживаем нелегкое время, когда проблема «свой — чужой» на любой территории стоит очень остро. И ясно понимая, что религия — это часть нашего духовного богатства.

Елена Юркина, директор «Зодиак ТВ», Украина:

— Мистер Коукер, спасибо за тему, которую вы подняли. Во время вашей сессии я лучше поняла ситуацию, которая сложилась в Украине. Политика у нас отражает ситуацию конфессионального разделения населения. Главная религия в Украине православие, но у нас есть православная церковь украинского, киевского патриархата и есть православная церковь московского патриархата. И к тому же много католиков, а также мусульман. То есть фактически религиозная принадлежность к конфессии связана с местом проживания верующих. Мусульмане сосредоточены в Крыму. Сторонники московского патриархата проживают в центре и частично на востоке страны. И, соответственно, приверженцы киевского патриархата и католики — в основном на западной территории. И проблема заключается в том, что как главы церквей не могут между собой договориться, хотя попытки предпринимают, так и политики, что, к сожалению, не способствует стабильности.

Петр Осипов, помощник депутата Государственной думы ФС РФ, г. Чебоксары:

— На мой взгляд, православие в России все же будет играть меньшую роль в делах страны, как и религия во всем мире. Это лично мое мнение. От имени некоторых моих сверстников я бы сказал, что сегодня православная церковь не очень привлекательна. Почему? Во-первых, утеряна историческая традиция. Нас воспитывали люди, родители которых были воспитаны в Советском Союзе. Они не были крещеными. Лена Хазиева сказала, что ей трудно идентифицировать себя, потому что она родилась в одном месте, а живет в другом. Это значит, что ключевой фактор веры — все-таки воспитание. Мы были воспитаны людьми не религиозными. Многие из нас, по крайней мере. Вторая причина. Сегодня очень часто церковь ассоциируется с ортодоксальным православием. Достаточно посмотреть телевизор, создающий такой образ церкви. И вообще, мне кажется, Библию и существующую церковь нужно отделять друг от друга.

Алексей Лещенко, руководитель Днепропетровской областной молодежной общественной организации Народной партии Украина:

— Я, честно говоря, тоже во многом не согласен с комментариями, которые прозвучали. Поэтому хотелось бы, если можно, узнать ваше

мнение по такому поводу: должны ли принимать участие в политике религиозные лидеры? Например, у нас в Киеве душевно неуравновешенный человек, мэр города, стал мэром потому, что его поддерживала очень сильная сектантская община.

Елена Головач, первый заместитель главы администрации Харабалинского района, Астраханская область:

— Мне кажется, православие будет увеличивать свой вес в обществе в том случае, если православная церковь все-таки согласится на модернизацию. Именно тогда в нее пойдет молодежь и просвещенные православные священники появятся на Дальнем Востоке. И я думаю, что церковь уже делает первые шаги к этому, в частности и такой шаг, как объединение православных церквей. Другой вопрос: где предел модернизации, чтобы не потерять свое лицо?

Малхаз Гумашивили, финансовый директор ЗАО «Академия», Москва:

— Не стану комментировать услышанное, скажу только, что как раз в эти дни группа российских ученых обратилась к президенту Путину по поводу вмешательства русской православной церкви во все сферы общественной жизни.

Вера Пронькина, руководитель региональной общественной организации «Центр развития парламентаризма и самоуправления», Новосибирская область:

— Я тоже хочу дать свой комментарий по поводу влияния, роли православной церкви в России. Я считаю, что она будет увеличиваться. Но, к сожалению, это будет искусственное увеличение. Сейчас идут острые дискуссии по поводу введения в школах такого предмета, как изучение православия. Моя позиция в этой связи отрицательная. Потому что все искусственное не несет в себе положительного эффекта. Более того, излишняя политизация тоже ничего хорошего не несет.

Кристофер Коукер:

— Постараюсь быть кратким. Должен сказать, что меня удивили некоторые ваши высказывания о возрождении религии. Возможно, это связано с моим атеизмом и с отношением к англиканской церкви. Эта церковь достаточно дружелюбна к атеистам. Она говорит, что нет ада, есть только рай. И что все, в конечном счете, попадут в рай, так как Бог любит грешников не меньше, чем праведников. Меня лично, как вы понимаете, это устраивает. Ведь в Библии сказано: нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы. Следовательно, главное меньше грешить.

О политике и религии. Многие историки называют XIX век веком секулярной идеологии. А идеология, как известно, требует от человека такой же определенности, как и религия. Алексис де Токвиль, в частности, писал, что Французская революция напоминала ему религиозное возрождение, так как люди хотели определенности — не в

атеистическом, а в гностическом смысле слова. Почему? Потому что политика и идеология тесно взаимосвязаны, и последняя, подобно религии, определяет, кто ваш враг (или еретик), а кто на вашей стороне. То есть взаимоотношения между политикой и религией очевидны. Но религия (я имею в виду фундаментализм) выглядит в глазах многих европейцев тем не менее подозрительной, хотя она явно становится объединяющим фактором в политике. Поэтому позвольте мне вернуться к вопросу о диалоге цивилизаций.

В ближайшее время я поеду в Грецию на остров Родос на мировой общественный форум на конференцию «Диалог цивилизаций». Кстати, этот «диалог» уже не первый год проходит под эгидой Русской православной церкви. Итак, существует ли некая основа для объединения последователей разных вер? Для меня как либерала такой основой является, безусловно, гуманизм. Один немецкий философ, отвечая на вопрос, что такое гуманизм, сказал: мы должны верить, что Господь заинтересован в нас так же, как мы заинтересованы в Нем, если мы действительно стремимся стать совершенными. Разумеется, эти слова не следует понимать буквально, и тем не менее они указывают на истинную нашу сущность. Мы должны быть гуманнее и не соглашаться с тем, что других людей можно и нужно убивать (принося себя в жертву) только потому, что они верят во что-то другое.

Повторяю, будучи либералом, я верю в западный либерализм и поэтому считаю, что опасно называть себя сначала, скажем, британцем или последователем той или иной религии. Это вызов прежде всего для нашей модели гражданского общества, когда гражданство встает на второе место, а на первое вновь выходит религия и национальность. Это и есть европейская проблема, конфликт с европейской моделью гражданского общества и с европейским пониманием демократии.

И последнее. Насколько мне известно, большинство россиян не считают себя европейцами. Но я европеец и знаю, что Россия внесла выдающийся вклад в европейскую культуру. Гораздо больший, чем все новые члены Европейского союза. Поэтому мне кажется, что Россия все же европейская страна в неполитическом смысле слова. Как, на ваш взгляд, ваша неевропейскость связана с православным христианством, которое отличается от католического и протестантского христианства? Я не знаю ответа на этот вопрос и поэтому мне бы хотелось задать его вам. Я считаю, что именно об этом нам следует думать, когда мы размышляем о XXI веке, который ставит перед нами серьезные проблемы.

Елена Немировская, директор-основатель Московской школы политических исследований:

— Я хочу сказать огромное спасибо Крису. Я тоже считаю, чтобы нам было более комфортно жить в XXI веке, надо учиться быть гражданами и верить в гражданские ценности, в универсальные ценности совместного общежития и понимания. И если мы будем продолжать об этом думать, эти ценности будут влиять на нашу реальную жизнь.

О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти»)

Обращение Международного общества «Мемориал»

XX век оставил глубокие и незаживающие раны в памяти практически всех народов Восточной и Центральной Европы. Революции, перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация Европы, катастрофа, непостижимая для человеческого ума, — холокост. Множество локальных войн и конфликтов, большая часть которых имела отчетливую национальную окраску: Прибалтика, Польша, Западная Украина, Балканы. Черета разного толка диктатур, каждая из которых бесцеремонно отнимала у людей гражданскую и политическую свободу, а взамен навязывала им унифицированные, обязательные для всех системы ценностей. Цепь обретений, утрат и новых обретений народами национальной независимости, понимаемой по большей части в рамках этнического самосознания, — и каждый раз те или иные сообщества чувствовали себя оскорбленными и униженными. Это наша общая история. Но каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа — свой XX век.

Разумеется, любой «коллективный образ прошлого» — категория условная и абстрактная. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, в культурной жизни, в содержании образования, в государст-

венной политике, в межнациональных и межгосударственных отношениях. Горечь давних взаимных обид может долго отравлять отношения между народами, если только у них не находятся лидеры, подобные Вацлаву Гавелу, который, став президентом Чехословакии, нашел в себе мужество (вопреки тогдашним настроениям большинства своих сограждан!) публично извиниться перед изгнанными после войны из Судетской области немцами и их потомками. Подобные символические жесты вполне способны если не поставить точку во взаимных претензиях народов друг к другу, то заметно снизить их накал. К сожалению, люди такого нравственного масштаба, как Гавел, редко становятся национальными лидерами.

Мы отдаем себе отчет и в том, что не существует такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый и нелицеприятный вердикт. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть и стремление людей оправдать собственный народ, и фрагмент исторической истины, более всего понятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо постараться понять.

Сегодня споры на исторические темы возникают не столько вокруг фактов, сколько вокруг различных интерпретаций этих фактов. Добросовестное осмысление того или иного события, явления или процесса требует прежде все-

го рассмотрения его в конкретном историческом контексте. Однако зачастую сам выбор этого контекста порождает трудно совместимые оценки.

Так, в контексте насильственного отторжения Вильнюса и Виленского края от Литовского государства в 1920 году и последующей аннексии их Польшей, возвращение этих территорий в состав Литвы осенью 1939 выглядит актом восстановления справедливости. Но совсем по-другому смотрится это же событие в контексте пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов к нему, гибели Польского государства под двойным ударом с Запада и Востока и других реалий первых недель Второй мировой войны. Подобная множественность оценок заложена в целом ряде территориальных переделов, «отторжений» и «воссоединений» тех лет.

Что такое день 17 сентября 1939 года для польского народа? Это день национальной трагедии, когда страна, из последних сил сопротивлявшаяся гитлеровской агрессии, подверглась внезапному и ничем не спровоцированному вторжению с востока. Это исторический факт, и никакие ссылки на несправедливость довоенных границ или на необходимость обеспечить Советскому Союзу западные рубежи обороны не могут снять со сталинского руководства ответственности за соучастие в гитлеровской агрессии против Польши.

Но для значительной части украинского народа этот день имеет еще и особый, дополнительный смысл: это день воссоединения украинских земель, хотя бы и в рамках СССР.

Имеют право украинцы на особое отношение к этим событиям, иное, чем у поляков? Да, имеют. Но при этом и поляки, и украинцы вправе ждать друг от друга понимания и уважения к различиям их памятей.

Как следует воспринимать события 1944 года, когда Советская армия вышибла немцев из Литвы, Эстонии и

большой части Латвии? Как освобождение Прибалтики от гитлеровцев? Как важный этап на пути к окончательной Победе над нацизмом? Безусловно; и именно так воспринимаются эти события в мире. В России такое восприятие вошло в основу национального самосознания.

Но для эстонцев, латышей и литовцев военные победы Советской армии означали еще и возвращение их стран в состав СССР — государства, которое в 1940 лишило их национальной независимости, возвращение режима, который за 11 месяцев, с июля 1940 по июнь 1941, успел зарекомендовать себя многочисленными арестами и приговорами по политическим обвинениям, депортацией десятков тысяч человек в Сибирь и Казахстан, бессудными казнями заключенных в первые дни войны. А в ближайшем будущем, которое окончательно определилось осенью 1944 года, прибалтов ожидали насильственная коллективизация, новые аресты и новые массовые депортации.

Имеют ли граждане России и других стран, входивших в состав СССР, право гордиться военными успехами Советской армии в 1944 году? Вне всякого сомнения: это право оплачено кровью сотен тысяч погибших солдат. Но, нисколько не поступаясь этой законной гордостью, они должны знать и понимать, что, кроме освобождения от нацизма, принесли эти успехи народам Балтии. Те же, в свою очередь, помня о своей трагической истории, должны помнить и понимать, что означает для России — да и для всего человечества — память о великой борьбе народов с нацизмом.

В Грузии и Украине недавно открыты «музеи советской оккупации». Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение. В России лишь специалисты-историки знают о существовании независимой Грузинской Демократиче-

ской Республики в 1918–1921 годах и о попытках создания в 1918–1920-х независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1921 года.

Можно не соглашаться с некоторыми выводами, которые при этом делаются. Можно полемизировать с теми историками и юристами, которые возводят нынешнюю украинскую или грузинскую государственность к событиям 1918 года. Можно решительно спорить с теми, кто склонен рассматривать всю историю этих стран от конца Гражданской войны до 1991 года как период «оккупации». Но общество в России, стране, на которую многие привычно возлагают вину за все, совершенное коммунистическим режимом, должно быть в курсе дискуссий о прошлом, которые разворачиваются в соседних странах, и относиться к этим дискуссиям с пониманием, а не отделяться от них газетными фельетонами и карикатурами.

В то же время хотелось бы, чтобы украинская и грузинская общественность сознала: отсутствие в России автоматического согласия с хлесткими эпитетами, подчас применяемыми в Грузии или Украине к некоторым ключевым эпизодам этой нашей общей истории, не обязательно свидетельствует о «великодержавном шовинизме» и «неизжитых стереотипах имперского сознания».

Это же относится и к оценкам вооруженного партизанского сопротивления коммунистическому режиму в послевоенные годы на Западной Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Память о повстанческих движениях, как правило, сложна и драматична; она не

может не порождать множество самых разных оценок. Вплоть до самых крайних: кто-то склонен к безоглядной героизации «борцов за свободу», кому-то мучительно трудно расстаться с привычными представлениями о «бандитах». И для любой точки зрения без труда находятся обоснования. Спорящие не в силах убедить друг друга (даже в тех случаях, когда спор идет внутри одной страны). Когда же к ожесточенному спору примешиваются национально-государственные амбиции и политические страсти, вряд ли можно надеяться на достижение взвешенных и взаимоприемлемых оценок. Но перейти от перебранки и взаимных оскорблений к цивилизованному обмену мнениями можно и должно.

Перечень примеров, когда память одного народа вступает в противоречие с памятью другого народа, можно продолжать и дальше. В этих противоречиях нет решительно ничего скверного, напротив: если относиться к ним с должным пониманием, они лишь обогащают историческое сознание каждого народа, делают наши представления о прошлом более объемными.

В той области истории, которой занимается общество «Мемориал», — в истории советского государственного террора — эта разница в оценках и понимании оказалась не менее болезненной, чем в других областях. Трагедии прошлого, неосознанные и неосмысленные или осмысленные лицемерно и поверхностно, становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, искажают их, сталкивают между собой страны и народы. Почти во всех странах бывшего «социалистического лагеря» процветают ныне те формы историко-политической рефлексии, которые позволяют представить «свои» страдания исключительно как результат «чужой» злой

Магдалена Абаканович. Толпа. 1987

воли. Диктатура и террор позиционируются в первую очередь как направленные против нации, а те, кто их осуществлял, — как «чужеземцы» или чужеземные марионетки. То обстоятельство, что коммунистические режимы в этих странах в течение многих лет опирались не только на советские штыки, но и на определенные внутренние ресурсы, постепенно исчезает из национальной памяти.

При этом до предела заостряются историко-правовые оценки происшедшего: например, расхожей монетой в политическом лексиконе целого ряда посткоммунистических стран стало слово «геноцид». Мы отдаем себе отчет в том, что и такого рода крайние оценки нередко несут в себе часть исторической правды. Но мы полагаем, что частичная правда всегда опасна — в первую очередь для тех, кто готов принять ее за историческую истину во всей ее полноте. Культивирование образа собственного народа как «жертвы», возведение уров-

ня человеческих потерь в ранг национального достояния органически связаны с отчуждением собственной ответственности, с персонификацией образа «палача» в соседе. Это естественный результат рефлекторной потребности людей снять с себя слишком тяжкий груз гражданской ответственности за прошлое. Но снятие с себя всякой вины и возложение ее на соседа — не лучшая основа не только для понимания народами друг друга, но и для собственного национального возрождения.

Для России история рухнувшего Советского Союза неотделима от ее собственной истории — таково самосознание большинства ее граждан. Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что Россия объявила себя правопреемником СССР, для ряда соседних народов она оказывается удобным объектом, на который можно возложить всю полноту за ход исторических событий — достаточно однозначно отождествить сегодняшнюю Россию со

сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной историей на народы, пережившие тоталитаризм. Вместо добросовестных попыток осмысления истории XX века во всей ее полноте и трагизме, вместо серьезной общенациональной дискуссии о советском прошлом здесь возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф — миф об отечественной истории как о череде славных героических свершений. В этом мифе, по большому счету, вообще нет места ни вине, ни ответственности, ни осознанию самого факта трагедии. Какая же может быть гражданская ответственность за героизм и самопожертвование?! В результате многие российские граждане просто не в состоянии осмыслить не только степень исторической ответственности Советского Союза перед соседними с сегодняшней Россией странами, но и масштабы катастрофы, постигшей саму Россию. Отказ от памяти, подмена ее картиной лубочной империи, где «от молдаванина до финна // на всех языках все молчит, // бо благоденствует», представляет для России не меньшую общественную опасность, чем культивирование национальных обид для ее соседей.

Повторим еще раз: сами по себе национальные различия в интерпретации важных исторических событий естественны и неизбежны. Надо всего лишь отчетливо понимать, как относиться к этим различиям.

Разумеется, не следует отказываться от собственного понимания истории в угоду одной лишь «политкорректности»; но навязывать соседям собственную правду тоже не следует.

Бессмысленно игнорировать «чужую» память, делать вид, что ее не существует

вовсе; бессмысленно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят.

Не следует превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Ни в коем случае не следует пытаться эксплуатировать противоречия в «национальных образах прошлого», превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов.

При любом историческом видении сегодня непродуктивно и опасно делить народы на «жертв» и «палачей», оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими.

Дело даже не только в том, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и, тем более, наследственной вины за преступление. (Мы не касаемся здесь проблем, связанных с юридической ответственностью государств перед своими и чужими гражданами.) Мы убеждены: для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий главное — не поиск виновных, а гражданская ответственность, которую добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые от имени этого сообщества. Если народ объединен не только сиюминутным гражданским и политическим бытом, но и общим прошлым и чаянием общего будущего, то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную ис-

торию. Именно *гражданская ответственность за собственную историю*, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые делают народ в полной мере нацией — обществом сограждан.

Эта ответственность — не та работа, которую можно сделать один раз и навсегда. Каждый народ должен вновь и вновь обращаться к своему прошлому, должен вновь и вновь, в каждом новом поколении, осмыслять и переосмыслять его, не отворачиваясь от горьких и страшных его страниц, должен развивать собственное прочтение истории и отчетливо понимать при этом, что другие имеют право на иное, свое собственное ее прочтение. Более того, каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

К сожалению, на наших глазах история становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей, дубиной в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще. События, которые разыгрались недавно вокруг памятника советским солдатам в Таллинне, отчетливо демонстрируют дефицит гражданской ответственности у политиков и в Эстонии, и в России. История с памятником — яркая иллюстрация того, какие последствия могут повлечь за собой различия в национальных образах прошлого, если спор об истории принимает форму «конфликта памяти». Разумеется, всегда найдутся люди, которые захотят подогреть этот конфликт,

чтобы извлечь из него политические дивиденды в ущерб своему собственному народу, в ущерб другим народам, в ущерб всем нормальным людям. Но и общество не может снять с себя ответственности за подобное развитие событий, ибо конфликт становится возможным там, где отсутствует доброжелательный и заинтересованный диалог.

Что может противопоставить общество застарелым предрассудкам, взаимной нетерпимости, своекорыстию и ограниченности политиков?

Мы полагаем, что единственный способ преодолеть нарастающую отчужденность между народами — это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем вызывающим разногласия вопросам нашей общей истории. Цель этого обмена мнениями видится нам не в том, чтобы полностью снять противоречия во взглядах, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять точки зрения друг друга. Если при этом мы придем к единому мнению относительно какой-то болезненной проблемы, связанной с нашим прошлым, — прекрасно. Если не придем — ничего страшного: каждый из нас останется при своем понимании, но мы научимся видеть и понимать также и образы прошлого, существующие в сознании наших соседей. Единственными условиями диалога должны стать общая готовность участников уважать другую точку зрения, сколь «неправильной» она ни показалась бы кому-то на первый взгляд, искренний интерес к этой точке зрения и искреннее желание понять ее.

Для этого диалога необходимо создать соответствующий механизм, своего рода дискуссионную площадку.

Общество «Мемориал» предлагает всем, кто заинтересован в содержательной и доброжелательной дискуссии на темы, связанные с общим историческим прошлым, принять участие

в создании такой площадки — *Международного исторического форума*. Этот Форум видится нам как свободная ассоциация общественных организаций, исследовательских центров, культурно-просветительских учреждений и т.п., внутри которой постоянно идет обмен мнениями вокруг конфликтных исторических событий XX века, связанных с вашим регионом.

Само собой разумеется, Форум не может быть закрыт и для отдельных исследователей, публицистов и других заинтересованных людей. И, конечно, мы хотели бы, чтобы на нем были представлены как «господствующие» в том или ином обществе исторические воззрения, так и «диссидентские» точки зрения за исключением тех интерпретаций, которые основаны на откровенно члеловеконенавистнических, фашистских и расистских системах ценностей.

Состояние национальной памяти в странах Центральной и Восточной Европы интересно и важно, в первую очередь, для народов этого региона, но не только для них. Так называемая старая Европа сегодня прирастает Европой новой. Почти все государства региона вошли или стремятся войти в общеевропейские структуры. Вместе с ними в европейскую культуру, в общую европейскую память входят наши исторические проблемы, травмы и комплексы. Опыт посткоммунистических стран (включая не только «географическую Европу», но и Казахстан, и государства на Кавказе и в Центральной Азии) становится вызовом для **всех** европейцев: с ним необходимо работать, его надлежит понять. Наш предполагаемый диалог это лишь часть общеевропейского, а по большому счету общечеловеческого диалога о прошлом. Кроме того, осваивая и осмысляя собственный XX век, многие народы, — и в Западной Европе, и в Латинской Америке, и в других регионах мира, — сталкивались

с проблемами, схожими с теми, которые стоят сегодня перед нами, и было бы очень важно знать, как эти проблемы у них решались и решаются. Поэтому мы надеемся, что тематика и состав участников Форума не будут жестко ограничены одним регионом.

Конкретные формы организации диалога — специальный интернет-сайт, серии «очных» двусторонних и многосторонних тематических конференций, в которых смогут принять участие не только историки-профессионалы (которые и без того так или иначе осуществляют обмен мнениями внутри академического сообщества), но и юристы, социологи, журналисты, активисты общественных организаций и т.д., — мы предлагаем выработать совместно всем тем, кто поддерживает нашу идею и готов участвовать в ее осуществлении. Это же относится и к различным «продуктам» деятельности Форума, вплоть до общих периодических изданий и совместной разработки учебных пособий для средней школы, с помощью которых молодежь каждой из наших стран могла бы знакомиться с «национальными образами прошлого», имеющими распространение среди соседних стран и народов.

Исторический Форум, создать который мы предлагаем, будет, несомненно, способствовать развитию взаимопонимания между его участниками — людьми и организациями, представляющими разные страны и разные традиции осмысления прошлого. Но мы надеемся, что он станет также одним из путей к взаимопониманию между нашими странами и народами.

Мы обязаны попытаться сделать так, чтобы наши общие трагические воспоминания сближали, а не разъединяли народы. И у нас есть шанс этого добиться, если мы согласимся работать над прошлым вместе, а не порознь.

Март 2008 г.

Миф о новой холодной войне*

Почему Россия все время выводит англосаксов из себя? Вспомним недавнее прошлое. Советский коммунистический режим рушится, империя «распускается». Затем пришел черед великих надежд и провалов девяностых: достаточно вспомнить «полупутч» и танковую атаку на парламент в 1993 г., референдум по новой конституции (12 декабря 1993 г. — *Ред.*) с «подправленными» результатами (этот Основной закон действует до сих пор), сомнительную приватизацию, войну в Чечне и дефолт 1998 года. Но после всего этого в декабре 1999-го Ельцин просит прощения у сограждан, досрочно уходит в отставку и назначает исполняющим обязанности президента своего премьера и бывшего шефа тайной полиции Владимира Путина. К ужасу многих Ельцин предсказывает: этот никому не известный разведчик — именно тот человек, что «объединит вокруг себя тех, кто возродит великую Россию». Невероятно, но факт: все произошло именно так.

И это называют жесточайшим разочарованием или даже пугающей перспективой? Возвышение Путина — закулисный ход, организованный ельцинской семьей (как в буквальном, так и в политическом смысле), движимой не столько патриотизмом, сколько инстинктом самосохранения, — войдет в историю как один из самых позитивных элементов неоднозначного наследия первого российского президента. Теперь уже Путин, как и его покровитель, лично подобрал себе преемника — Дмитрия Медведева. Конечно, Путин не планирует коротать время между дачей и больницей, как это делал Ельцин в последние годы своего президентства. Тем не менее в характерной хитроумной манере Путин сумел соблюсти конституционное ограничение относительно двух президентских сроков. В мае Медведев возьмет в свои руки громадные полномочия президента (подарок Ельцина) в условиях, когда российское го-

*Стивен Коткин,
руководитель программы
российских и европейских
исследований
Принстонского университета*

* *Stephen Kotkin. Myth of the new cold war // Prospect. — London, april 2008. — P. 38–44. Опубликовано на сайте ИноСМИ.ru (О ж-ле «Проспект» см. «Общая тетрадь», 1999 г.)*

сударство больше не одолевает разброд (подарок Путина). И это повод для почти единодушного неприятия на Западе?

Пропасть непонимания между Западом и Россией разверзлась из-за двух весьма сомнительных мифов. Во-первых, на Западе хаос и всеобщее обнищание при Ельцине приравнивается к утверждению демократии, пусть и несовершенной, которую Путин в дальнейшем уничтожил. Но если какие-то завоевания можно так легко ликвидировать, они, вероятно, были не так велики, как их изображали. Тем не менее миф о сворачивании демократии Кремлем объединяет тех, кто испытывает ностальгию по холодной войне, кому «не хватает врага», с новым поколением специалистов по России, многие из которых в девяностые всерьез участвовали в иллюзорном проекте «строения демократии» в этой стране и теперь испытывают разочарование (и остались не у дел).

Согласно второму мифу, бытующему уже в России, КГБ был единственным институтом, унаследованным от советской эпохи, что устоял перед коррупцией, сохранил патриотизм и способность восстановить порядок. В результате либерализация российской экономики ставится в заслугу «шпионам» из путинского окружения, хотя на самом деле она стала результатом усилий его помощников, не связанных со спецслужбами.

Каждый из этих мифов чрезвычайно раздражает другую сторону. Когда подавляющее большинство россиян соглашается и даже аплодирует путинской концентрации власти, англо-американские наблюдатели усматривают в этом не только незнание истинного положения дел, но и приверженность авторитаризму. (К сожалению, россиянам никогда не удавалось ощутить на вкус сочетание подлинной демократии и верховенства закона с повышением жизненного уровня). Когда же зарубежные ученые и публицисты превозносят ельцинскую Россию, чей национальный доход едва дотягивал до 200 миллиардов долларов, подвергавшуюся унижениям на международной арене, и клеймят Россию путинскую, с ВВП в 1,2 триллиона долларов, вернувшую себе статус мировой державы, большинство россиян подозревает, что налицо здесь не просто непонимание, но и злой умысел.

Давайте-ка сделаем глубокий вдох, и попробуем разобраться спокойно. Признание того, что Путин унаследовал недееспособное государство, одолеваемое воровством инсайдеров и произволом региональных властей, не означает оправдания его гэбэшных методов управления, зачастую неприглядных, а порой и контрпродуктивных. Притом что многие российские чиновники честны и компетентны, госаппарат по-прежнему отличает слишком высокий уровень коррупции (что, впрочем, характерно и для большинства других стран мира). Функционеры высшего звена, пользуясь служебным положением, прибрали и продолжают прибирать к рукам лучшие коммерческие активы. Чиновничество на всех уровнях сегодня ищет собственной выгоды, копируя репрессивные методы и манипуляции Кремля. Но в то же время в России растет экономическое благосостояние, рост потребления толкает вперед рыночную экономику, формируется

средний класс, гордящийся своими достижениями. Это сочетание относительно закрытой, нестабильной политической системы с относительно открытым, стабильным обществом может показаться невероятным, но оно вполне реально. Что происходит, когда в большой стране, занимающей важное место в мире, динамично развивается свободная рыночная экономика, интегрированная в мировое хозяй-

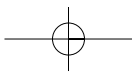
ство, а политическая система остается недемократической, и никаких сдвигов здесь не происходит? Непростая задача для экспертов получается. Люди из коридоров политологии и

обществоведения убаюкивают себя аргументами о том, что экономический рост без верховенства закона по определению неустойчив (правда, возникает один вопрос: а как же Китай?), или о том, что развитие рыночной экономики в конечном итоге неизбежно приведет к политической либерализации. На практике, однако, Россия далеко не единственная страна, где проводятся манипуляции с выборным процессом и отсутствует верховенство закона, но рыночная экономика при этом динамично развивается. В России права частной собственности не гарантированы, но сама частная собственность уже получила широкое распространение.

Приспособление концептуального инструментария к, казалось бы, невозможной по определению российской ситуации уже началось, но идет оно медленно и мучительно. «Когда я работала в Москве в 1994–1995 гг. на Национальный демократический институт — американскую неправительственную организацию, я и представить себе не могла подобное развитие событий», — призналась недавно на страницах журнала *American Scholar* Сара Мендельсон, специалист по России и старший научный сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований. — Мы думали, что находимся на переднем крае демократической революции. Но это было не так. Мы были свидетелями рыночной революции». Это запоздалое осознание сути происходящего пока не нашло широкого распространения. Преобладают жалкие стенания по поводу того, как «Запад» (интересно, что под этим понятием подразумевается?) в очередной раз «потерял» Россию, и призывы «сопротивляться» Путину.

Эдварда Лукаса, по его собственным словам, КГБ однажды депортировал из страны. Дело было в 1990 году, когда британский гражданин Лукас, уже после того как Литва провозгласила независимость, но еще до официального «ропуска» СССР, въехал в эту республику по литовской визе. Насколько мне известно, аресту за свои убеждения он не подвергался. Тем не менее Лукас, technically не являясь диссидентом, озвучивает совершенно «диссидентские» аргументы. Это типичный пример того, как из-под пера весьма компетентного журналиста — Лукас работает корреспондентом еженедельника

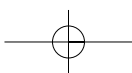
Притом что многие российские чиновники честны и компетентны, госаппарат по-прежнему отличает слишком высокий уровень коррупции

36 *Итоги президентства В.В. Путина*

Шон Хенри. Транзит через славу мира. 1999

Economist в Центральной и Восточной Европе — может выйти не слишком убедительный полемический опус вроде его книги «Новая холодная война: почему Кремль представляет угрозу и для России, и для Запада» («The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West»). Россия, утверждает он, развязала настоящую войну за влияние во всем мире, опираясь на свои гигантские сырьевые ресурсы и финансовые средства, но грозному медведю пытаются противостоять лишь США и Британия; Германия же вступила с ним в сговор, а Китай, возможно, даже «сотрудничает».

Впрочем, сам же Лукас и опровергает собственный тезис о возврате к холодной войне. Он отмечает, что Восточная Европа теперь свободна. Россияне могут свободно выезжать за границу. В самой стране царит потребительский бум. Военной угрозы Россия не представляет (на оборону она расходует в 12 раз меньше, чем США). Как отмечает Лукас, «прежняя холодная война действительно завершилась». Что же касается «новой идеологии» в России, которая и привела Лукаса к выводу о начале новой холодной войны, то, по собственному признанию автора, «ее основные ингредиенты не новы: обостренное чувство особого предназначения страны, предпочтение стабильности свободе и сильная неприязнь к лицемерию и поверхностности Запада». Сам же Лукас и добавляет: «аналогичные взгляды бытуют во многих странах, помимо России». Тем не менее, настаивает он, «по сочетанию и остроте [этих взглядов] Россия выделяется на общем фоне». Да ничего подобного. Мне вот кажется: раздражение вызывает то обстоятельство, что Россия способна подкрепить делом эти разделяемые многими странами взгляды. В отличие от Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, пишет Лукас, Россия «не покаялась» и ведет себя «дерзко».

А теперь представьте себе: «Представители Кремля регулярно устраивают истерики в международных организациях. Они блокируют осуществление программ в странах, которые не нравятся Москве». И вот еще: Россия запугивает малые страны. И еще: Россия заигрывает с диктаторами. Россия использует свои рычаги влияния для скупки лучших активов за рубежом. Россия нанимает лоббистов и «агентов влияния» в других странах. Что ж, силовая политика выглядит малоприятно, но разве только Россия ее проводит, и, если уж на то пошло, так ли она эффективна? «Кирпичик за кирпичиком, — пишет Лукас, — Кремль строит свою сферу влияния». Так ли это? Автор излагает новую «теорию домино»: если России сойдет с рук шантаж на Кавказе и Балканах, придет очередь Восточной Европы, потом Западной, потом Арктики. Впрочем, напуганный читатель может найти утешение в самой же книге Лукаса. Кремль, отмечает он, «постоянно перегибает палку». В другом месте, охая и ахая по поводу многочисленных трубопроводных проектов Кремля, он затем делает вывод: «Главный вопрос для Европы в следующем десятилетии скорее всего будет звучать так: что делать, когда России не хватит газа для поставок?». Такое вот страшное энергетическое оружие. Россия «оказалась у разбитого корыта», пишет Лукас, «она готова удовлетвориться тем, чтобы на нее просто обратили внимание».

И дальше: «Она компенсирует свою реальную слабость, делая вид, что она сильна».

Итак, Лукас, видя притворство Москвы насквозь, тем не менее продолжает взывать: «К оружию!». «Восточная Европа, — неоднократно предупреждает он, — находится на линии фронта новой холодной войны». Невероятно, но факт: он даже вспоминает Чемберлена и Мюнхенскую конференцию 1938 года. Те же страны, те же уроки, заявляет автор. Самое интересное, что Лукас с необычной откровенностью пишет о нынешних восточноевропейских государствах. «Парадокс заключается в том, что эти плохо управляемые, капризные, нетерпимые страны расположены на передовой линии, которую Запад пытается защищать». Другими словами, Лукас бьет тревогу по поводу новой холодной войны, хотя те самые страны, которые, по его словам, подвергаются серьезной опасности, входят в состав ЕС и НАТО. Он что, Устава НАТО не читал? Лукас даже требует «немедленно начать конфронтацию», поскольку, «если мы не выиграем новую холодную войну на собственных условиях, нам придется ее вести в то время и в том месте, что выберет противник». Лукас в поте лица доказывает, как Кремль скрывает «реальность — беззаконие, жестокость, алчность» за декоративным фасадом выборов. Но если он так «хитроумно маневрирует», Эд, то почему мы не попались на удочку? Мы отлично понимаем, что в стране существует авторитарный режим, что действия правящей элиты зачастую достойны осуждения, а иногда преступны даже по российским меркам.

Из всех бессвязных книг, что мне когда-либо доводилось читать, эта, возможно, самая талантливая. У Лукаса прекрасный стиль, и он умело продирается сквозь дебри ошибочных интерпретаций постсоветской эпохи, но только до определенного предела. Взять хотя бы его трезвый взгляд на ельцинский период. «Необходимость "генеральной уборки" назрела и перезрела», — подчеркивает Лукас. Он называет хаос девяностых «идеальной средой... для закулисного путча наследников КГБ». Далее автор отмечает, что «олигархов выбрали мишенью вполне заслуженно», хотя его и смущает избирательный характер этой кампании. И уж совсем в точку бьет его замечание о том, что постельцинская Россия — это страна, «в которой простой гражданин может надеяться на исполнение своих личных желаний за счет способностей и упорного труда». А вот еще: «Никогда еще в истории России большинству ее жителей не жилось так хорошо и свободно». Но одновременно Лукас утверждает, что по сравнению с «путинизмом» «ельцинская эпоха выглядит уже не так плохо», а сам Путин «предал» идею предшественника о «дружбе» с Западом. Вся книга Лукаса — такое вот шараханье из стороны в сторону, от точных выводов к неубедительным.

Подобно изданию, где он работает, Лукас не пытается преуменьшить экономические достижения России, чтобы принизить роль Путина. Нет, он сравнивает новую Россию с динамично развивающимися Бразилией и Индией. Упоминает он и о весьма позитивном значении России для Европы: «Россия — один из самых перспективных рынков мира, по масштабам значительно превосходящий все другие

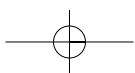
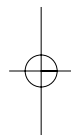
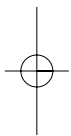

страны Центральной и Восточной Европы вместе взятые». Противоречия самому себе, он заявляет: «западные бизнесмены без малейшего стыда следуют туда, куда указывает их кошелек» и «трудно винить немецкие компании в том, что они действуют в интересах своих акционеров». Чему же верить? Его «тревожные» пассажи выглядят как зеркальное отражение кремлевской пропаганды в предвыборный сезон: «Мы имеем дело с людьми, которые стремятся нам навредить, расстроить наши планы и ослабить нас». Но если, как он сам утверждает, российский вариант «авторитарного капитализма» — это «не новая цивилизация, а путь в тупик», чего ж нам беспокоиться?

Из всего этого, судя по всему, можно сделать два вывода. Во-первых, призывая европейские страны преодолеть разногласия друг с другом и с Соединенными Штатами, он, сам того не желая, демонстрирует, что единого «Запада», в том смысле, что обычно вкладывается в это понятие, возможно, уже не существует. Во-вторых, не исключено, что российский «авторитарный капитализм» совсем не тупиковый путь. И остальному миру, возможно, придется сосуществовать с богатеющей авторитарной Россией (и не только с Россией, как я уже отмечал). Лукас лишь в очередной раз подтверждает, что долгая, мучительная эпоха «цивилизаторских миссий» подошла к концу. «Время белого человека», «новый мировой порядок», грандиозные модернизаторские схемы, пустые и дорогостоящие хлопоты с помощью зарубежным странам, построение гражданского общества — со всем этим можно распрощаться. Нравится нам это или нет, эффективную геополитику в XXI веке уже невозможно осуществлять, вынуждая других становиться такими, как мы: она должна приспособливаться к появлению новых великих держав. Его рекомендации в отношении предполагаемой «новой холодной войны» ограничиваются всего двумя шагами. Первый — «отбросить» наши иллюзии и признать российские реалии. Второй — отказаться от наивной идеи о том, что Запад способен повлиять на внутривнутриполитические процессы в России.

Он сам делает вывод: «Мы вернулись в эпоху великодержавной политики». Что ж, добро пожаловать в XVIII век. Однако здесь есть одна важная оговорка. Политики Старого Света — в Лондоне, Берлине и даже Брюсселе — сумеют найти *modus vivendi* с Россией и Китаем, не поступаясь либерально-демократическими ценностями в собственных странах. Но сможет ли Вашингтон — столица страны, появившейся на карте уже в эпоху цивилизаторских миссий и в конечном итоге обязанной своим возникновением пуританам, существовать в мире, где нет места самопровозглашенным «крестовым походам»? В США само устройство России, не говоря уже о ее политике, воспринимается по сути как один из элементов собственной, американской идентичности.

Сколько же раз может Америка «терять» Россию? Похоже, до бесконечности. Впрочем, надежду оставлять не стоит: наконец все же нашелся человек, убедительно и в деталях проследивший давнее, фактически религиозное стремление американцев «переустроить Россию». В книге «Миссия Америки и “империя зла”»: крестовый поход

за «свободную Россию» с 1881 г. до наших дней» («The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881»), Дэвид С. Фоглсонг, профессор Университета им. Ратжерса, показывает, что начало деятельности миссионеров, экономических советников и активистов-общественников, пытающихся нести в Россию слово божье, капитализм и демократию, положили еще ветераны американского аболиционистского движения. «Очарованность» Россией у американцев возникла после убийства террористами царя Александра II в Петербурге в 1881 году: вскоре после этого Джеймс Уильям Бьюэл, журналист из Миссури и автор популярной биографии бандитов Джесса и Фрэнка Джеймсов, проехал по всей империи, собирая материал для книги. «Цивилизация быстро распространяется на восток, — писал он, — и, со штыком ли, или с псалтырью, она пройдет маршем по всем уголкам царских владений».

Фоглсонг показывает, как многие влиятельные американцы раз за разом указывали на возможность, даже необходимость распространения «слова истины» в России, а затем, когда она не превращалась в некое подобие США, в ужасе отстранялись и начинали обвинять во всем несносный русский национальный характер или лидеров страны — вплоть до Путина. Выдающееся достижение автора состоит в том, что он демонстрирует: еще задолго до холодной войны Россия стала для Америки «заблудшим братом» — объектом несбыточных ожиданий, покровительственного снисхождения и источником уверенности в своей правоте на пути к собственной цели (без особых практических результатов, достигнутых в самой России). Таким образом, автор помещает в нужный контекст и саму холодную войну — период, когда публицисты вроде Уильяма Ф. Бакли-младшего и политики вроде Рональда Рейгана провозглашали «крестовые походы», чтобы поднять боевой дух Америки. Россия в те времена была не только угрозой, но и средством для осуществления чисто американских целей (некоторые сосредоточивались на борьбе с «порождением коммунизма» в США — «социальным государством»; другие после вьетнамской катастрофы хотели «возродить веру в то, что Соединенные Штаты — благородная страна с особой исторической миссией»). Раскрывая присущее американцам «пьянящее ощущение богоизбранности своей страны», Фоглсонг помогает объяснить эйфорию, сменившуюся разочарованием, по отношению к постсоветской России в 1990-х и начале XXI века.

Тем не менее сегодня на нисходящем отрезке выявленного Фоглсонгом повторяющегося цикла ощущение особой миссии США сохраняется. Вспомним: в 2006 году Стивен Сестанович из американского Совета по международным отношениям подготовил нашумевший доклад под сенсационном заголовком «Неверный путь России: что могут и должны сделать США», который вышел за подписью двух политиков — Джона Эдвардса и Джека Кемпа. В этом документе констатируется: попытки Вашингтона подключить Москву в качестве партнера (младшего, разумеется) к реализации глобальной программы США провалились. Поэтому в докладе рекомендуется политика «избирательного сотрудничества» в тех вопросах, где еще есть

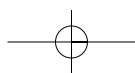
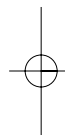
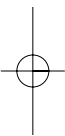
надежда заставить Россию действовать по американской указке. При этом в нем отмечается, что в осуществлении своей давней миссии — «спасении» России от авторитаризма — Америка столкнулась с серьезными затруднениями. Тем не менее, несмотря на важное значение России для США, — а в соответствии с «алогичной логикой» доклада, как раз из-за него — демократизация этой страны должна оставаться одной из внешнеполитических задач Вашингтона. «Не ограничиваясь словесными заявлениями относительно свертывания демократии в России, — предлагается в докумен-

С точки зрения повседневных функций государства Россия управляется плохо, что придает ей уязвимость в случае кризиса

те, — США должны увеличивать, а не сокращать ассигнования в соответствии с Законом о поддержке свободы, уделяя особое внимание организациям, борющимся за проведение свободных и честных парламентских и президентских выборов в 2007–2008 годах».

Еще больший резонанс вызвала статья Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс «Миф об авторитарной модели: путинская “твердая рука” сдерживает развитие России», опубликованная в этом году в журнале *Foreign Affairs*. Она прозвучала как боевой клич для упавших духом американских поборников «распространения демократии», жаждущих восстановить позиции, утраченные из-за Ирака. Соавторы из всех сил стараются доказать, насколько авторитарен путинский режим по сравнению с ельцинской «электоральной» демократией (весьма красноречивая оговорка) и насколько мало этот авторитарный режим причастен к экономическим успехам России. Но их аргументы — простая подмена понятий. Дело здесь не авторитаризме, а в ряде важнейших мер по либерализации экономики, принятых в ходе первого президентского срока Путина (радикальном пересмотре налоговой системы, сокращении бюрократической волокиты, введении частной собственности на землю), а также поддержании жесткой финансовой дисциплины и макроэкономической стабильности. Авторы замалчивают эти радикальные шаги; не упоминают они и о том, что в любой стране второй срок президента редко характеризуется продолжением смелых реформ. Макфол, играющий первую скрипку в этом тандеме, похоже, не понимает, что его непрощенная забота о России полностью вписывается в русло столетней традиции провального «евангелизма», выявленной Фоглсонгом. Более того, соавторов (оба они работают в Стэнфорде) явно не упрекнешь в чрезмерной склонности к самоанализу: они приписывают «параноидальному национализму» откровенное заявление Путина о растущем «потоке денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела», а ведь он говорил о действиях, в которых Макфол принимает участие и которые он рекомендует.

То, что Макфолу и Стонер-Вайс приходится вести свое сражение за распространение демократии на экономическом «поле», явно не

усиливает их аргументацию. Утверждая, что расширение государственной собственности в последние годы привело к ухудшению экономических показателей России, они недооценивают один факт: до самого недавнего времени рост в стране во многом достигался за счет того, что она выжимала последние капли из вложений, сделанных еще в советские времена, — теперь осуществлять эту тактику стало уже невозможно. И еще: если вывести за скобки двух энергетических гигантов — «Роснефть» и «Газпром», расширение государственной собственности в сфере бизнеса выглядит не слишком радикальным. Кроме того, многие российские государственные компании, включая и упомянутых энергетических гигантов, либо уже сокращают, либо должны сократить долю государства в своих активах до 51 процента. (В 2007 году российские компании провели IPO на общую сумму в 33 миллиарда долларов, в основном на зарубежных биржах.) Наконец, российские государственные корпорации, при всей сомнительности их методов, не почтили на бюрократических лаврах, а тешат свое эго (и повышают прибыльность) за счет активной скупки активов. Конечно, масштабное заимствование для финансирования этих приобретений, наверно, не самая разумная стратегия роста (в США, по крайней мере, она доказала свою несостоятельность). Однако, как указывает Дэвид Вудрафф из Лондонской школы экономики, российские государственные компании способны выполнить свои международные финансовые обязательства, правда, только за счет расширения доли рынка и повышения прибылей. И если они окажутся не на высоте этой задачи — что ж, законы капитализма немолимы.

В качестве самого убедительного, по их мнению, аргумента Макфол и Стонер-Вайс ссылаются на то, что показатели роста других постсоветских государств часто оказываются немного выше российских: конкретнее они указывают, что по его темпам Россия в 1999–2006 годах занимала лишь 9 место среди 15 республик бывшего СССР. Различия в показателях, а значит и разрывы между местами в рейтинге невелики, ну да бог с ним, примем данные авторов на веру. Куда важнее другой факт, на который они не обратили внимания: народное хозяйство всех этих стран тесно взаимосвязано, поэтому следует учитывать влияние роста гигантской российской экономики на другие, куда меньшие по масштабам. Так, в 2007 году для граждан как минимум полдюжины бывших советских республик Россия была главным источником доходов. В этом году более 30 процентов ВВП Таджикистана составляли денежные переводы таджиков, работающих в России. Для Молдовы объем таких переводов, по оценкам, тоже приближается к 30 процентам ВВП, для Кыргызстана составляет более 20, а для Грузии и Армении — 10–20 процентов. И так далее в том же духе. Представьте себе, что произойдет на Украине, если миллионам ее граждан, сумевшим найти работу в России, вдруг придется вернуться домой и пополнить армию безработных. Сравнимый уровень экономической зависимости можно обнаружить, наверно, лишь у тех стран, чьи жители работают в США и отсылают заработанное на родину. Российские экономические показатели и политика дают нема-

ло поводов для критики, но сверхвысокие темпы роста в Казахстане в этом смысле не аргумент.

На деле, однако, Макфолом и Стонер-Вайс движет не интерес к экономическим проблемам, а якобы насущная необходимость распространения демократии с точки зрения внешней политики США. С этой точки зрения в том же русле лежат тезисы Роберта Легволда, редактора вышедшего в прошлом году сборника статей «Российская внешняя политика в XXI веке и тень прошлого». Написанное им предисловие к книге давно назревший манифест о пользе истории при изучении современной России. Однако, побуждая аналитиков исследовать прошлое России, Легволд одновременно призывает саму Россию «избавиться от собственного прошлого», под которым он подразумевает авторитаризм. И, главное, он настаивает, что заинтересованность США и ЕС в характере внутривнутриполитического устройства России вполне «легитимна», поскольку оно непосредственным образом отражается на соседних странах. (Автор мог бы упомянуть и о стремлении воздействовать на население самой России за счет «правозащитной политики» на международной арене.) Другими словами, источником российской внешней политики, по мнению Легволда, являются не национальные интересы страны, а характер ее политической системы. Что и требовалось доказать! Это типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Америки о самой себе, о том, что США действует на мировой арене исходя не из своих национальных интересов, а из демократического характера своего политического строя.

Не все авторы статей, вошедших в сборник, согласны с Легволдом в том, что российский «абсолютизм» не годится для эпохи глобализации. Дэвид Макдоналд, к примеру, считает, что российский абсолютизм содержит достаточно эффективный инструментарий, который и сегодня может пригодиться для экономического и культурного развития страны, хотя здесь очень важно не перегнуть палку. Общий тон сборника, однако, вполне укладывается в рамки выявленного Фоглсонгом «крестового похода» — проекции американской идентичности на Россию, что продолжается с 1881 года. Фоглсонг цитирует Дэвида Лоуренса, основателя журнала *US News and World Report*, который еще в 1958 году подытожил основополагающее кредо американского истеблишмента следующим образом: «В мире не будет безопасности, пока на земле существуют автократические режимы». Этот тезис открывает широчайший простор для «миссионерской» внешней политики (и неизбежно связанного с ней лицемерия). По Ираку вокруг него объединились либералы-«интернационалисты» вроде Макфола и Стонер-Вайс, и «неокконы»; как и все фундаменталистские представления, этот тезис благополучно пережил иракскую катастрофу. Единственное, чего он, пожалуй, не переживает, — это падения американского доллара до уровня мексиканского песо.

Из-за нераскрытых убийств российских журналистов и арестов политических активистов многие наблюдатели стремятся как минимум

44 *Итоги президентства В.В. Путина*

Суи Джангуа. Одетый дискобол. 1998

выставить экономический бум путинской эпохи результатом простого везения — дескать, Россию держат на плаву только высокие цены на нефть и газ, заложенные природой в ее недра миллионы лет назад, — и пророчат: час расплаты впереди. Что ж, возможно, Россию действительно ждет спад. С точки зрения повседневных функций государства Россия управляется плохо, что придает ей уязвимость в случае кризиса. А живем мы в глобализованном мире, где все взаимосвязано, и если китайский бум потеряет импульс, образовавшаяся гигантская воронка со страшной силой потянет Россию вниз. Да и финансовые экзерсисы Уолл-стрита еще способны погубить нас всех — и хороших, и плохих. Впрочем, что бы ни ждало нас впереди, уже ясно одно: таких мощных авторитарных государств с рыночной экономикой, как Россия и Китай, мир не видел уже давно, со времен — ну да, со времен нацистской Германии и ее союзницы Японии. Однако сегодняшние авторитарные Россия и Китай не агрессивны в военном плане. И, что бы там ни думал Эдвард Лукас, эти страны вряд ли потерпят поражение в какой-либо войне и подвергнутся оккупации, чтобы кто-то вроде Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс смогли устроить очередной демократический крестовый поход наподобие тех, что так скрупулезно описал Дэвид Фоглсонг.

Власть Кремля может показаться неограниченной. Но вот что интересно: в XX веке лидеры демократических Соединенных Штатов находились у власти в среднем по 6 лет. Для авторитарной России в тот же период аналогичная цифра составляет примерно 10 лет. Если же не брать в расчет долгий период сталинской диктатуры, она вообще упадет до восьми. Тем не менее в авторитарных государствах передача власти, с точки зрения правящего режима, всегда непростой момент. (Пожалуй, самая примечательная черта недавней истории Китая — это даже не рыночные преобразования, а тот факт, что там после ухода Дэн Сяопина власть уже дважды безболезненно переходила из рук в руки: сначала к Цзян Цзэминю, а затем к Ху Цзиньтао.) Одно из многочисленных слабых мест авторитаризма заключается в том, что при нем никуда не годные варианты кажутся привлекательными: пример тому — распространенные надежды, что реальным правителем России останется Путин. Однако, какова бы ни была судьба нынешнего «преемничества», кремлевский вариант «китайской стратегии» скорее всего будет осуществляться и дальше: элементы глобализации, способствующие либерализации политического процесса, будут подавляться, а ее экономические аспекты — развиваться в максимально возможной степени.

В общем, о сегодняшней Москве, как в свое время о китайском и арабских авторитарных режимах, можно сказать «русские идут», и теперь это будет правдой. Когда российский капитал, уже весьма заметный в континентальной Европе и Британии, еще большими силами явится на Уолл-стрит и в американскую глубинку, поймут ли наши соотечественники значение того, что у России после этого возникнет существенная заинтересованность в том, чтобы дела у США шли успешно? Оценят ли они тот факт, что наличие российских активов на американской территории (которые можно конфисковать)

даст нам мощный рычаг влияния на Кремль, которого сейчас у США нет? Что же касается ЕС, то если для стран Северной Африки и Леванта отношения с ним, вероятно, действительно жизненно важны, то для России (и Китая) они имеют куда меньшее значение. Скорее всего, Евросоюз надолго будет поглощен вопросом о вступлении Турции, а Россия, как и Китай, тем временем будет и дальше развивать двусторонние отношения с отдельными европейскими странами. Ее товарооборот со странами ЕС весьма велик — он в три раза превышает объем торговли с бывшими советскими республиками, — а Германия является ее крупнейшим экономическим партнером (в 2007 году объем товарооборота между двумя государствами достиг 52,8 миллиарда долларов). Тем не менее сегодня самое важное место для России — это Лондон как один из мировых центров глобализации. Его значение — одна из причин, по которым Россия пытается такими акциями, как преследование Британского совета, дипломатическими средствами дать понять о намерении твердо отстаивать свой суверенитет по всем пунктам (точно так же в аналогичных случаях поступает и Китай), не нанося при этом ущерба своим реальным интересам.

Впрочем, могущество России на мировой арене не следует переоценивать. В будущем на долю США, ЕС и Китая будет приходиться как минимум по 20 процентов общемирового ВВП. Аналогичная же доля России, даже если она займет пятое место среди крупнейших экономических держав мира, не превысит 3 процентов. Кремль будет использовать статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и место в «Большой восьмерке» для защиты своих интересов на международной арене и одновременно стремиться к поддержанию хороших отношений с Китаем в рамках различных форумов. Однако Россия не входит в ЕС и не является ни союзницей США, ни союзницей Китая. И Брюссель, и Вашингтон, и Пекин воспринимают ее как возможного партнера, но и как потенциального противника. И, главное, если российские компании, будь то государственные или частные, не встанут вровень с наиболее эффективными корпорациями мира, о любых «больших играх» можно забыть. «И сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики, — заметил Путин, излагая стратегию развития страны до 2020 года. — И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики». Он добавил: «Главная проблема сегодняшней российской экономики — ее крайняя неэффективность. Производительность труда в России остается недопустимо низкой. Те же затраты труда, что и в наиболее развитых странах, приносят в России в несколько раз меньшую отдачу. И это вдвойне опасно в условиях растущей глобальной конкуренции».

Одним словом, президенту Медведеву и премьер-министру Путину (если он получит это назначение), уже ясно, на чем им необходимо сосредоточить внимание.

Проблема коррупции и местное сообщество

Очевидно, что наше общество признало необходимость системной борьбы с коррупцией. Свидетельство этому — многочисленные упоминания проблемы в речах политических деятелей разного ранга — от сельских депутатов до президента. И это не только позиция политической элиты, это отношение общества. На вопрос «нужно ли бороться с коррупцией?» в среднем около 65% опрошенных (от 52 до 77% в разных регионах) отвечают: да*. Однако при этом мы наблюдаем противоречие в общественном сознании. Признавая необходимость противодействия коррупции, многие (очень многие!) готовы давать взятки, считают эти факты нормальными и оправдывают свою позицию сложившейся традицией. Более половины граждан определяют коррупцию как положительное явление (коррупция — это «катализатор для бизнеса», «механизм компенсации плохих законов», «обязательное свойство демократии»), только треть респондентов называют коррупцию «разрушающей общество болезнью», остальные считают всего лишь «вредной привычкой общества» (наподобие пьянства или курения).

Мораль молчит

Самое распространенное заблуждение, когда коррупция воспринимается как необходимый элемент, приводной ремень в механизме взаимоотношений граждан и власти, источник мотивации для эффективной работы чиновника. «Что плохого? Конкретный потребитель оплачивает полученную им услугу, нагрузка на бюджет уменьшается, можно нанять на такую работу компетентных специалистов», — так оправдывают свою позицию сторонники этой точки зрения. Но так ли это? Даже не затрагивая вопрос о

*Вадим Бондарь,
заместитель директора
Национального института
конкурентоспособности*

* Здесь и далее используются данные из отчета «Отношение граждан к проблеме коррупции и мерам по ее предотвращению» AVACEELI, M., 2007, если не оговорено иное.

справедливости подобного распределения общественных ресурсов, можно утверждать, что в стратегической перспективе коррупция не создает, а разрушает общественные отношения.

Существуют специальные исследования, доказывающие, что в зависимости от степени развития институциональной среды, от степени соблюдения законодательства о защите собственности, коррупция по-разному влияет на экономику. «В странах с неэффективной системой управления проявляются... значительные позитивные эффекты коррупции: примерно в 20% государств, охваченных нашим исследованием, положительные экономические последствия коррупции по объему составляют более 20% от ограничительных*, а в 12 странах первые даже превышают последние. ...Подобные результаты позволяют предположить: когда коррупция в масштабах страны способствует росту, прямые кампании против нее могут встретить ожесточенное сопротивление и обернуться дорогостоящим противоборством. В этих обстоятельствах более уместной представляется задача фундаментального улучшения государственных институтов**». Однако «там, где собственность защищается эффективно, главный экономический эффект коррупции носит ограничительный характер... В государствах с наиболее стабильной ситуацией негативные последствия коррупции превышают позитивные в 50–100 раз. В таких случаях масштабные кампании по прямому искоренению коррупции следует считать полезными***. Несмотря на многочисленные «ляпы» российского законодательства и зачастую его «не-

дружественность» по отношению к гражданину, в целом все-таки нельзя говорить о тотальном и фундаментальном противоречии наших законов здравому смыслу и призывать к их преодолению путем взяток и подкупа. Следовательно, можно надеяться на эффективность разумных программ противодействия коррупции.

Положительное восприятие коррупции создает питательную среду для ее роста, оправдывая «встраивание» коррупции в социальную систему. Этому способствует, к сожалению, и позиция некоторых ученых: «С точки зрения социолога, преступление есть нормальное явление. Нормальное постольку, поскольку оно несводимо к произволу преступника, а обусловлено социальными причинами. Причем эти причины отнюдь не являются свидетельством дефектов социального порядка. Напротив, они коренятся в конструкции этого порядка и являются продолжением его достоинств. А потому являются неискоренимыми и в этом смысле нормальными. А потому и борьба с преступностью может привести лишь к ограничению и удержанию ее в социально приемлемых пределах»****. Такая позиция («стратегия минимизации вреда») часто высказывается на круглых столах и семинарах, посвященных противодействию коррупции, и требует однозначного ответа. Легко доказать, что преступность не есть норма («норма — 1: узаконенное постановление, признанный обязательным порядок; 2: установленная мера, средняя величина чего-либо»*****), наоборот, преступление (от слова — переступить!) — всегда нарушение нормы, выход за рамки нормального, общепринятого

* В их числе — Россия: отношение «полезного» для экономики эффекта коррупции к «вредному» оценено исследователями в 0.53 (более половины вредного!) — наравне с Угандой.

** Д. Хьюстон. Способна ли коррупция улучшить положение дел в экономике? // *Sato Journal*. 2007, Vol. 27, № 3.

*** Там же.

**** А. Борисов. Как бороться с нормальным явлением? // *Городское управление*, 2000, № 6.

***** С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. — М.: ГИИНС, 1953.

поведения. Продолжением каких достоинств является преступность, в частности коррупция? Всегда ли она свидетельствует о «дефектах социального порядка»? Известно, что коррупция присуща странам с различным общественным строем, но зависит от уровня развития социальных институтов, культуры и морали. Можно говорить о том, что коррупция как явление «обусловлена социальными причинами», но каждая взятка — это всегда моральный выбор конкретного человека.

Однако мораль молчит, когда размыты общественные ценности. Собственно, проблема и заключается в том, что понятие нормы сместилось, значительная часть общества воспринимает коррупцию как должное, мы наблюдаем это на самом глубоком — ментальном — уровне. В словаре Даля приведено определение: «Мздоимствовать — брать подарки, приношения, взятки; быть продажным человеком. *В земле нашей мздоимствуется по обычаю*»*. По обычаю! Этот пример использования слова поражает сильнее самых серьезных социологических исследований.

Задача ответственной элиты — не примириться с явлением, пытаюсь минимизировать вред, а изменить ситуацию, восстановить моральные ценности, доказать ненормальность коррупции как социального явления, изменить сложившиеся негативные традиции.

Масштабы явления

Такая обстановка, когда значительная часть общества относится к взяточничеству лояльно, определяет низкую эф-

фективность действий властей по обузданию коррупции. По официальным данным, в Российской Федерации за январь — октябрь 2007 года было выявлено свыше 37 тысяч преступлений коррупционного характера, в том числе более 10,5 тысячи случаев взяточничества и 1,7 тысячи коммерческого подкупа. К уголовной ответственности по такого рода преступлениям привлечено свыше 8,5 тысячи человек**.

По индексу восприятия коррупции, согласно исследованию международной организации «Транспаренси интернешнл» за 2007 год, Россия занимает 143-е место (из 180 стран) — на одной строчке с Гамбией, Индонезией и Того.

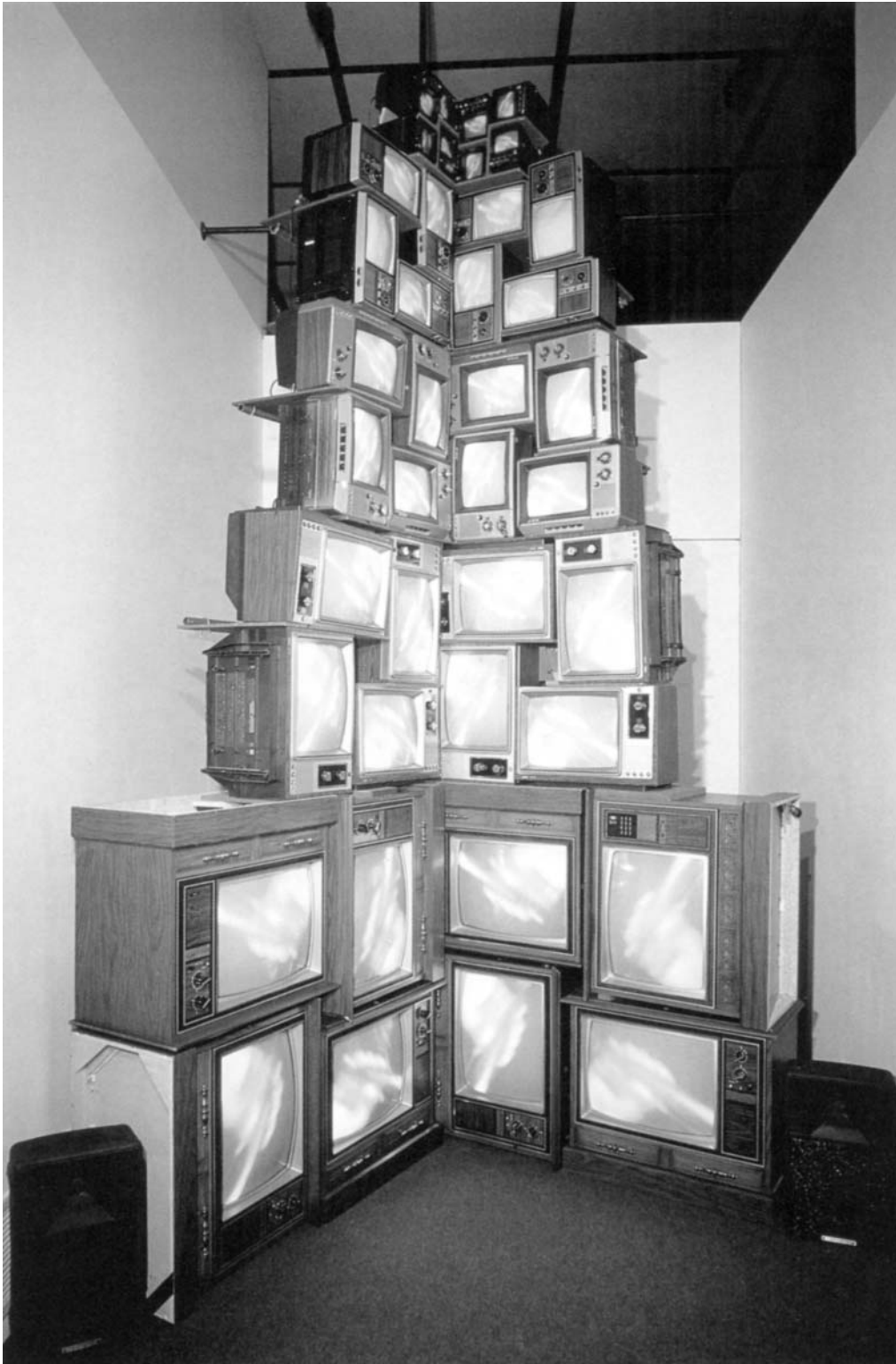
Многочисленные социологические исследования, выполненные в России или отдельных российских регионах, фиксируют, что в коррупционные отношения втянуто значительное число граждан: «Практически каждый житель Ростова, по данным Института политических и медиаметрических исследований, сталкивается в своей жизни с фактами коррупции. Об этом сообщил директор ООО «НИИ “Институт политических и медиаметрических исследований”» Алексей Федоров. Согласно результатам социологического исследования, проведенного сотрудниками института в восьми муниципальных районах Ростова, у 50,4% респондентов хотя бы раз в жизни вымогали взятку. 49,0% опрошенных давали взятку по своей собственной инициативе, а 8,9% респондентов сами хотя бы раз вымогали взятку»***.

В некоторых российских регионах коррупционная система сложилась на-

* В.И. Даль. Толковый словарь русского языка. — М.: Эксмо-пресс, 2002.

** Из выступления заместителя министра иностранных дел России А.В. Яковенко на конференции, посвященной 10-летию принятия антикоррупционной конвенции ОЭСР. Информационный бюллетень МИД от 22.11.07, www.in.mid.ru/bl.nsf; Сообщение пресс-службы МВД, 28.11.2007 <http://mvd.rf.ru/news/13396/>

*** http://www.yugmedia.ru/ne_3745182

Нам Джун Пайк. Видео-пирамида. 1982

столько, что тарифы на взятки являются общеизвестными и даже индексируются в зависимости от инфляции (!): «В строительной отрасли все, что касается проверки, согласования документов на муниципальном уровне, подорожало с января по октябрь 2007 года в среднем в 2,5 раза», — рассказал топ-менеджер крупной столичной строительной компании. Он назвал суммы взяток, которые давались в октябре 2007 года: согласование «по мелочи» с любым районным инспектором — около 10 000 рублей, согласование незначительных вопросов с чиновником муниципального уровня — от 50 000 до 100 000 рублей, согласование серьезных вопросов (например, таких как перенос коммуникаций) — от 500 000 рублей и выше»*.

По данным социологического опроса, проведенного Американской ассоциацией адвокатов (ABA/CEELI) в различных регионах России, в коррупционные отношения вовлечено от 56 до 81% граждан. При этом более 60% (в среднем) дававших взятки заявляют, что величина взятки им была ясна заранее, что говорит о вполне сформировавшейся коррупционной системе.

Коррупция как антисистема

Известно, что отдельные коррупционные цепочки имеют свойство самоорганизовываться в крупные системы. Исследователи проблемы дали названия различным способам укрепления и размножения мздоимства: вертикальная, горизонтальная, вершущечная коррупция. Преступники не просто используют служебное положение корыстолюбивого чиновника в своих целях, они стремятся определять пра-

вила игры, переходят к активным действиям. Они расставляют на важные должности «своих» людей, проводят выгодные им властные решения, выполняют «захват государства». Тут следует оговориться — термин «захват государства» неточен, речь идет не только (и не столько!) о государственной власти, но и о муниципальной тоже. Именно здесь — на муниципальном уровне — рождаются коррупционные системы, вырастают из сложившихся отношений родственного и соседского протекционизма, блата и кумовства. Но с другой стороны, именно здесь возможно построить осознанное противодействие коррупции, вскрывая конфликт интересов взяточника и местного сообщества (а не абстрактного государства).

Организованная коррупционная система является уже институциональной угрозой: «увеличение возможности для захвата государства ведет к сокращению налоговых поступлений в бюджет и к приватизации общественных благ, сокращающих издержки производства предприятия. Выявлены негативные последствия захвата на функционирование экономики юрисдикций. Это — сокращение числа малых предприятий, уменьшение товарооборота и объема инвестиций»**.

Говоря о том, что в местном обществе складывается коррупционная система, нужно сделать оговорку: правильнее говорить не о системе, а об антисистеме. Термин «антисистема», широко используемый в различных гуманитарных науках, введен Л. Гумилевым именно в отношении социальных систем. Говоря о проблемах развития этноса, Гумилев определил антисистему как «системную целостность людей с негативным мироощу-

* <http://www.rb.ru/office/buzines/rumorsbis/2007/10/30/130255.html>

** Яковлев Е. Ю. «Захват» государства в российских регионах и муниципалитетах / Препринт # BSP/01/054 R. — М.: Российская экономическая школа, 2001.

щением»*. Выделим основные признаки антисистемы:

1. Антисистема существует не самостоятельно, а внутри «материнской» системы (в нашем случае — системы местного самоуправления), встроена в нее, живет и развивается за счет ее ресурсов, то есть паразитирует.

2. Цели существования системы и антисистемы взаимоисключающие. Именно конфликт интересов превращает подсистему в антисистему (в отличие от симбиотических подсистем, также существующих внутри систем).

Конфликт интересов коррумпированных чиновников и общества можно проиллюстрировать цифрами. По данным опросов, лишь 8–21% (в разных регионах, в среднем — 15%) респондентов давали взятки за возможность нарушить закон, подавляющее большинство же платили чиновнику за качественные и своевременные услуги (добиться законного решения вопроса, который иначе не решался, либо за возможность избежать бюрократической волокиты и очередей). То есть основной незаконный доход мздоимцы получают именно потому, что система предоставления общественных услуг неэффективна, и чем более она неэффективна, тем выше размеры и количество взяток. Мы наблюдаем прямую зависимость между объемом коррупционных рынков и количеством очередей в конкретной сфере (за исключением тех, где взятки дают за возможность нарушить закон — военкоматы, например), при этом более 80% граждан считают, что очереди вызваны отнюдь не нехваткой общественных ресурсов, а плохой организацией работы чиновников, низким уровнем их подготовки или желанием создать повод для взятки.

Л. Гумилев приводит образное сравнение: «Антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле»**.

Не много ли черной краски? Действительно ли все так серьезно? Нужно ли переносить общие правила развития систем на реальности функционирования системы местного самоуправления?

В истории есть немало примеров, подтверждающих, что бездействие общества в отношении прогрессирующей коррупции может привести к тяжелым последствиям. В том числе в нашей недавней истории. Трагические последствия конфликта в Кондопоге — стали ли они уроком нашему обществу? К сожалению, большинство наблюдателей увидели в них только проблему межнациональных отношений, и лишь немногие аналитики вскрыли сложную подоплеку события: «Первый фактор — высокий уровень коррумпированности местной власти, в самом широком смысле этого слова. Второй — политическая изоляция местной власти от местного населения. Сочетание двух этих причин создает базовые противоречия, ставшие движущей силой кондопожского конфликта. Появление третьего фактора — этнической неприязни — сыграло лишь роль спускового крючка. Тогда, когда мы имеем первые два фактора, ситуация просто гниет»***. Подтверждение этих слов можно найти в первых репортажах с места событий. В резолюции, принятой на стихийном митинге, в числе требований было создание «народной комиссии» для проведения тендеров по аренде

* Л. Гумилев. *Этногенез и биосфера земли*. — М.: Айрис-пресс, 2001.

** Там же.

*** А. Зудин «Кондопога — ошибка в диагнозе», <http://www.politcom.ru/article.php?id=3410>

помещений, а также «народной дружины» из числа воевавших в Чечне — для поддержания порядка в городе: в ситуации, когда общественные институты разрушены коррупцией, граждане вынуждены создавать новые институты. Факт политической изоляции власти косвенно подтверждают цифры избирательных комиссий: «Причиной низкой явки избирателей города Кондопога на выборы депутатов парламента Карелии является недоверие местного населения к власти. Об этом заявила председатель территориальной избирательной комиссии Клавдия Яковлева. По ее мнению, кризис доверия к власти возник в районе несколько лет назад и не связан с трагическими событиями в Кондопоге в конце августа — начале сентября, когда в городе произошли массовые беспорядки на национальной почве. “Люди видели, что районная власть не замечает их проблем, и просто перестали ходить голосовать. У нас и на муниципальных выборах в прошлом году явка была ниже 20 процентов*”». Доверие — важнейший общественный капитал, именно на доверии (а не на параграфах закона!) держится легитимность власти. Ситуация усугубляется за счет переноса отношения к конкретным представителям власти или к конкретным нормативным актам на всю систему в целом. «Эффект перелива — это гипотеза, что люди, которые считают часть правовой системы нечестной или незаконной или не доверяют ей в каком-либо отношении, не будут подчиняться или откажут в доверии всем остальным частям системы... Усиление чувства несправедливости или незаконности права может ослабить чувство долга, привести к меньшему подчинению (или неподчинению), или — если сообра-

жения морали достаточно сильны — к действительному неприятию или сопротивлению**».

Таким образом, можно сделать вывод об опасном следствии коррупции: высокий уровень мздоимства снижает доверие граждан к социальным институтам, что в свою очередь влечет разрушение этих институтов и всей политической системы.

Местное сообщество против коррупции

Очевидно, что с системной проблемой нужно бороться системно. Многие российские регионы уже предпринимают последовательные шаги по созданию систем противодействия мздоимству. Однако на уровень муниципалитетов действия борцов с коррупцией нисходят редко. Хотя именно на этом уровне такое противодействие могло бы быть наиболее эффективным, для этого есть предпосылки:

- в отличие от регионального уровня, где отношения власти и общества определяются не напрямую гражданами, а различными институтами, их представляющими, в муниципалитете заинтересованной стороной может выступать все местное сообщество, а не только органы власти (они же — чиновничий аппарат, с коррупцией в котором мы и боремся!);
- общее неприятие коррупции в местном сообществе и постоянное «поддержание чистоты» может быть более эффективным, чем разовые кампании и силовые методы борьбы с коррупцией;
- местные депутаты доступнее для граждан (избирательные округа

* <http://www.regnum.ru/news/718124.html>

** Л. Фримэн. *Введение в американское право*. — М.: Прогресс, 1993.

- меньше, чем у депутатов регионального законодательного собрания), большинство общественных организаций действуют именно на муниципальном уровне. Таким образом, местные нормативные акты легче обсудить и при необходимости изменить, чем организовать аналогичные действия на уровне субъекта РФ;
- некоторые коррупционные преступления, не подпадающие под действие уголовного законодательства, а также преступления мелкого масштаба и значимости могут быть пресечены на местном уровне путем применения несиловых, «домашних» методов, таких как публичное оповещение, общественное порицание, ограничения на занятия муниципальных должностей, ограничения на участие в тендерах и др.

Вместе с тем проводимая в стране реформа местного самоуправления, с одной стороны, дает гражданам большие возможности для участия в местных делах, а с другой стороны, вызывает множество проблем, связанных с муниципальной собственностью, как то: обязательная приватизация непрофильных объектов, передача полномочий между уровнями власти вместе с соответствующей собственностью, составление реестров муниципальной собственности, оформление муниципальных земель. Увеличение в связи с этим количества коррупционных преступлений обуславливает необходимость безотлагательных мер именно на уровне муниципалитета.

К сожалению, муниципалитетов, имеющих опыт разработки программ противодействия коррупции, единицы; среди них можно назвать Чебоксары, Казань, Ижевск, Димитровград.

Возможно, проведение муниципальной реформы — одна из причин отсутствия массовой практики антикоррупционной деятельности на уровне муниципалитетов. Происходит общая организационная «утряска», а написанные ранее антикоррупционные нормативные акты теперь приходится приводить в соответствие с новым законодательством. Тем не менее, констатируя отсутствие на муниципальном уровне плановых, программных действий, мы наблюдаем отдельные шаги, направленные на противодействие коррупции, чаще всего в городах, переживших громкие коррупционные скандалы. Так, например, мэрия Волгограда приняла решение об упразднении комитета по инвестициям и строительным программам. «Такое распоряжение подписал глава города Роман Гребенников. Сам он оценил упраздненное им ведомство как «комитет по муниципальному рэкету». Главная причина в том, что выдача разрешительной документации застройщикам была далека от прозрачности. ...В ближайшее время будет разработан специальный регламент прохождения разрешительной документации. Крайний срок от заявки до получения составит 148 дней»*.

Но вряд ли перестановки чиновников и другие разовые меры приведут к искоренению мздоимства. Серьезного изменения ситуации позволят добиться лишь системные, программные действия, начинающиеся с диагностики проблемы.

Программа противодействия

Не бывает одинаковых городов, потому что в них живут люди с разными характерами, разными привычками и

* <http://www.irm.ru/news/19080.html>

разным набором знаний. Отчего же тогда программы противодействия коррупции, принимаемые в разных регионах, так удивительно похожи друг на друга? Между тем социологические данные показывают очень значительные различия в величине и глубине коррупции, в особенностях коррупционных рынков и в уровне общественной поддержки мер противодействия.

Задача диагностики — выявить ментальные предпосылки коррупции, а также возможности и ограничения деятельности по предотвращению мздоимства. Набор антикоррупционных мер — в зависимости от стадии болезни — может быть акцентирован при этом на пресечении преступных проявлений (выявление, расследование, осуждение, наказание виновных), на ограничении возможностей для мздоимства (регламентация, обеспечение контроля и прозрачности деятельности чиновников), то есть, иначе говоря, на создании условий неприятия коррупции на индивидуальном и общественном уровнях.

Разумеется, наиболее надежный (но и наиболее сложный!) способ противодействия коррупции состоит в обретении иммунитета против этой болезни. Общественный иммунитет — это способность местного сообщества создавать новые механизмы противодействия и оперативно адаптировать к изменившимся условиям уже существующие, что зависит исключительно от степени развития общественных институтов. Индивидуальный иммунитет — это способность человека противостоять соблазну (не брать взятки) и противостоять вымогательству (не давать и тем более не предлагать взятки), что определяется в значительной мере особенностями местной культуры и традициями, отношением граждан к проявлению коррупции в повседневной жизни.

Масштаб задач

В России около 24,5 тысячи муниципалитетов, из них около 3 тысяч крупных. Жители каждого муниципалитета должны понимать вред взяточничества, а для этого в каждом поселении должна, конечно, проводиться осознанная антикоррупционная политика. В больших муниципальных образованиях такая политика должна существовать в виде документа, а еще лучше — в виде программы со сроками и ответственными за ее реализацию. Готово ли местное сообщество к созданию таких программ?

Выгоды муниципалитета от реализации программы противодействия коррупции не исчерпываются уменьшением взяточничества. Реализация программы, на мой взгляд, позволит усилить чувство общности и повысить самооценку граждан, жителей муниципалитета, увеличить эффективность работы чиновников, обеспечить честные отношения между бизнесом и властью, уменьшить административную нагрузку на бизнес, а также изменить имидж муниципалитета в глазах соседей, гостей, туристов, инвесторов, покупателей жилья и покупателей товаров, производящихся в муниципалитете, установить хорошие инвестиционные и кредитные рейтинги муниципалитета, что в свою очередь опять же положительно отразится на экономике муниципалитета и благосостоянии его жителей.

Будущее рождается сегодня. В каком городе (поселке, селе) будут жить наши дети и внуки? Смогут ли они проявить свои способности и таланты, или им придется врать и давать взятки, чтобы добиться успеха в жизни? Кто будет определять правила и задавать тон — беззастенчивые и бессовестные или честные и искренние люди? Это наше испытание, это наш выбор, и сделать этот выбор нужно сейчас.